ЗЕРКАЛО

ВЗГЛЯД НА ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Рыбаков

История и перестройка

Без понимания прошлого нельзя понять настоящего. Без знания хода развития, темпов, причин замедления или ускорения мы не можем рассчитывать будущее.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

ЗЕРКАЛО

ВЗГЛЯД НА ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Рыбаков

История и перестройка

Литературная запись Юрия Нечаева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Рыбаков Б.А. История и перестройка. – М.: Книга,
Р. 93 1989. – 79 с. 50 к., 30 000 экз.

В основу книги видного советского историка, академика Б.А.Рыбакова положено его выступление в Концертной студии Останкино, получившее широкий общественный резонанс. Построенная в форме живого разговора с читателем, книга дает представление о том, что происходит в нашем обществе сегодня в процессе объективного осмысления существующих концепций русской и советской исторической науки.

Р $\frac{4702010201\text{-}050}{002\,(01)\text{-}89}$ КБ-44-21-88

ISBN 5-212-00211-7

РЕАЛЬНАЯ, ЖИЗНЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ

"Встречи в Концертной студии Останкино" – это передачи, с которыми миллионы советских людей связывают начало перестройки Центрального телевидения. Суть ее можно было бы определить как процесс демократизации и гуманизации телевидения, приобретения им "человеческого лица". Когда на сцену для беседы с сидящими напротив людьми поднимается человек, он держит экзамен не только перед конкретной аудиторией, но фактически перед всем народом. Сначала все разглядывают его: какова его манера держаться, как он одет, искренен ли он или говорит одно, а думает другое... Потом зрители втягиваются в разговор, задают вопросы. А ответы рождают новые повороты темы, растет поле доверия, меняется атмосфера в зале. Доброта, открытость, компетентность, интеллект – все на виду. Человек держит экзамен. Не каждый сдает его на отлично. Лукавство, уклончивость, желание казаться лучше, чем ты есть на самом деле, смелее сегодня, чем ты был вчера, – все замечает любознательный зритель, заинтересованный приглашением к разговору с видным деятелем. Зритель способен сравнить и прежние высказывания, и весь творческий путь с образом, который на глазах у нас воссоздает телевидение.

Эти встречи означают новые подходы в вещании еще и потому, что они – переход от одной модели пропаганды к другой, от монолога, проповеди – к дискуссии, к живой, активной форме взаимодействия одного со многими.

Ведь в зале, как правило, не только сторонники методов, взглядов, творчества "выступающего", но и его противники. В лучших передачах этого цикла возникают дискуссии, столкновения различных мнений. И телезритель, сидящий дома у экрана, волей-неволей пытается определить свою позицию, свою сторону в споре.

Так начинает преодолеваться самое тяжелое наследие, доставшееся нам от застойных лет, – апатия, социальное безразличие многих людей, их душевная черствость, неверие в силу слова.

Ненадуманные споры. Реальная, жизненная драматургия мысли, чувств делает эти передачи явлением в духовной жизни миллионов. Но как сделать, чтобы "главных героев" встреч стало больше, чтобы к духовному миру личности прикоснулись души из самых разных, близких и отдаленных городов наших и деревень?

И журналистам пришла в голову счастливая мысль: продлить мгновения душевной радости, издать материалы встреч в Останкино. Задуманная серия книг – не просто дубль телепередач. Она предполагает вобрать в себя и тот материал, который не вошел в передачу, и мысли, родившиеся после нее.

Итак, мы начинаем. Предлагаем первую встречу – с Героем Социалистического Труда академиком Борисом Александровичем Рыбаковым.

В. Егоров,
член коллегии Гостелерадио СССР,
доктор исторических наук,
профессор

К ЧИТАТЕЛЮ

Сразу хочу заметить, что я с глубоким уважением отношусь к тем, кто любит историю.

Что такое история? Зачем она нужна нам? Чем привлекает?

История – это жизнь, деятельность человечества за два миллиона лет. Сейчас, как вы знаете, к истории двоякое отношение. Одни восхищены романтикой, которую она несет, поэтому с интересом ждут новых исторических романов, новых исследований, открытий. Ждут подарков судьбы, которыми история наделяет иногда археологов, архивистов, отдавая в их руки интереснейшие материалы.

Но очень часто сегодня приходится слышать совершенно иные голоса: а зачем нужна история? Зачем нам эти мамонты, декабристы, октябристы? Все это – вчерашний день. А ведь мы должны смотреть в будущее, в завтра...

Вряд ли стоит говорить, насколько примитивен такой подход. Однако он, увы, существует и мешает жизни. Мешает сохранности исторических памятников, которые разрушаются, и не столько потому, что бывает в этом какая-то необходимость, а просто от отсутствия элементарной культуры, от пренебрежения к истории.

Потребность в историческом осознании самого себя у человечества появилась не сразу. Полуобезьяна своей историей не интересовалась. Но Homo sapiens, человек рассуждающий, мыслящий, давно уже пытался осмыслить мир. Он создал мифологию, и это творчество во всей своей глубине не разгадано по-настоящему и по сей день.

В дополнение к мифологии приходит эпос. А это уже первые зачатки исторического познания. Попытки сохранения исторической памяти в форме эпических сказаний, которые передаются от поколения к поколению. Академик Б.Д.Греков назвал их в свое время "устным учебником истории". Думаю, что так оно и есть.

Великий Гомер дожил до наших дней. Живы его "Одиссея" и "Илиада". Живет века и эпос других народов. Эпические повествования – это все, конечно, первые шаги истории. Период, когда она облекалась в поэтическую форму, в значительной мере смешанную с мифологией. Это придавало истории бо́льшую значимость, романтику. А задача такой эпической истории была удивительно проста – дать примеры героизма, патриотизма, храбрости, благородства.

Но уже в античности возникло иное отношение к истории. История – "Magister vite", говорит римский юрист, совершенно справедливо определяя ее как учителя жизни. Это был учитель, воспитывающий на примерах прошлого. Примерах дурных и хороших. Уже в тот период осознавалась не только поэтичность истории, но и ее польза.

Маркс, создавая новую философскую систему, в значительной мере опирался на историю. И Маркс, и Энгельс великолепно знали античную эпоху, археологический материал, были знакомы со многими музеями мира.

Правда, не так давно группа математиков, увенчанная даже какими-то премиями, вдруг "отменила" Римскую империю. Они заявили, что ее просто не существовало. Ни Горация, ни Юлия Цезаря, ни Вергилия – не было никого из них! По их мнению – все это фальсификация эпохи Ренессанса. Они утверждали, что в те времена неплохо платили за старинные рукописи и поэтому на протяжении полутора веков фальсификаторы сочинили множество всевозможных историй, создали искусственную Римскую империю, ее поэзию, римское право...

Если встать на их точку зрения, то получается, что Маркс зря трудился, создавая теорию социально-экономических формаций. Не следовало ему выделять, опираясь на историю Рима, формацию рабовладельческую. Оказывается, ничего этого не было! И доказывается эта гипотеза с помощью ЭВМ, новейших достижений техники. Но у нас, историков, сложилось иное мнение об этом "открытии" – здесь следует обратиться к помощи не математики, не вычислительной техники, а к медикам. Баталии вокруг Римской империи окончились победой историков. Рим и на этот раз удалось "спасти".

Думается, что марксизм и силен именно тем, что он опирается на всю историю человечества, на все известные исторические источники, на все сокровища мировой культуры.

Культура... Именно сейчас, в наше время, она, пожалуй, становится самым интересным разделом человеческой истории. И, увы, наименее изведанным. С одной стороны, мы неплохо знаем культуру, ее памятники. Но вот анализ истории культуры, ее истоки, эволюция, законы развития отдельных ее разделов, – это пока еще недостаточно изучено. Подумайте, какое колоссальное поле деятельности для историков!

Меня лично эта тема больше всего привлекала с детских лет. Я стремился познать культуру с разных сторон и, насколько это возможно, в более полном объеме.

Первые споры у меня с матерью возникли при поступлении в университет. Я решил учиться на историческом факультете, выбрал как специальность археологию. Но колебался. Меня очень притягивали и филологические науки.

Дело в том, что со школой я расстался очень рано. Не подумайте, что был исключен за плохое поведение, нет. Но, так или иначе, я окончил школу пятнадцати лет от роду и по своему малолетству сразу никуда не смог

попасть. Лишь через год удалось поступить в Литературный институт, который организовал Валерий Яковлевич Брюсов. Но, откровенно говоря, там мне, такому юнцу, было крайне неуютно среди поэтов, писателей, прошедших гражданскую войну. Это были люди с большим жизненным кругозором, опытом, знаниями. Проучился я там несколько месяцев и понял: это не по мне. Позднее поступил в Московский университет.

Мать не одобрила моего выбора. Она мне постоянно твердила: "Сейчас такое время, что надо строить, возводить, надо дело делать. А история, филология – это не актуально". Между прочим, сама она была филологом, окончила Высшие женские курсы и работала учительницей. А отец мой был историком, учеником Ключевского. Так что у меня наследственность в какой-то степени историко-филологическая. Так вот, в семье нашей возникли споры. Мать говорила, что не время заниматься историей, а это был 1926 год, надо приносить пользу народу. История, филология – это, мол, десерт.

Но мне кажется, что сейчас, в наши дни, мы уже вполне доросли до этого десерта. И поняли, что он нам необходим. А может быть, это и не десерт вовсе – история культуры человечества? Это, конечно, именно так. И уже не требует доказательств...

Интерес к гуманитарным наукам у меня проснулся довольно рано. Еще в дошкольном возрасте мать водила меня на всякие педагогические заседания. Вспоминаются школьные настенные картины по русской истории – издания Сытина, Девриена с иллюстрациями Лебедева, Иванова, Билибина. Эти издания в моем присутствии обсуждали педагоги. О чем они говорили, я вряд ли тогда понимал, но яркие и образные картины остались в моей памяти на всю жизнь. От них веяло какой-то романтикой древности. Хорошо помню их и сегодня. И очень жаль, что не во всякой школе сейчас есть эти издания.

Вот еще одно сильное ощущение детства. Пожалуй, самое сильное. Переломное. 1918 год. Москва голодала. Нас, школьников, эвакуировали в "хлебородные губернии". Там ни книг, ни элементарной культуры. Этакая полупервобытность лесов Приуралья. И именно там я почувствовал, что́ значит для меня Москва – мой родной город, город моих предков. Вдали от него, за тысячи километров, я вдруг ощутил особенную любовь к нему. И еще: стремление познать Москву, познать исторически.

И вот, когда я вернулся в Москву, должен признаться, стал пропускать занятия. Прятал свои учебники в Спасо-Чигасовском монастыре и целыми днями бродил среди древних строений столицы, по музеям, взбирался на башни Китай-города, даже стал "владельцем" одной из башен. Она находилась на Варварской площади, которая теперь носит имя Ногина. Сейчас этой башни, к сожалению, нет. А тогда я ее всю внутри вычистил и запер на замок. Целый год считал себя ее хозяином... Наверное, все это дало мне почувствовать романтику старины и бесповоротно решило мою дальнейшую судьбу. Уже не стоял вопрос – куда мне идти, чем заниматься? К этому времени я был убежден, что история не "десерт", а великое патриотическое дело, которое возвышает дух человека.

После окончания университета я добровольцем проходил службу в армии. И здесь мне необычайно повезло: попал в конную разведку артиллерийского полка Московской дивизии. Сейчас я уверен, что в какой-то степени знание тактики и особенностей конницы позволили мне написать книгу о "Слове о полку Игореве". Думаю, без кавалерийской практики мне не удалось бы этого сделать.

Между прочим, командиром нашего полка был Николай Николаевич Воронов, впоследствии известный маршал артиллерии. Тогда это был, можно сказать, юный богатырь – высокий, розовощекий, жизнерадостный, с твердым характером. Он обучал нас тактике артиллерии.

2 Зак. 1858

После службы в армии я поступил на работу в Исторический музей, это была заветная моя мечта. Там я попал в замечательный, высококвалифицированный коллектив. Работал под руководством Артемия Владимировича Арциховского и стал "владельцем" всех музейных сокровищ.

Признаться, сам я ничего не коллекционирую. Двадцать лет работы в музее создают, очевидно, какой-то иммунитет к частному собирательству. Но я был "владельцем" и отдела письменности с рукописями, и отдела керамики, и отдела народного искусства резьбы по дереву. Все отделы и их хранилища представляли собой своеобразные научные институты. А сам музей – словно гигантский айсберг. Пожалуй, только пятнадцатая часть его богатств – на поверхности, в экспозиции. А подводная часть – запасники, несметные сокровища нашей истории.

В старину говорили, что жизнь ученого – это его книги. Надо сказать, что они, книги, стали определенными этапами в моей жизни. Первая большая работа – "Ремесло Древней Руси". Родилась она в Историческом музее и благодаря ему. Чтобы воссоздать Древнюю Русь, необходимо было не только знание археологии, но и глубокое знакомство с письменными источниками. И я занялся летописями, эпосом, былинами, которые ретроспективно можно также обратить к эпохе, в которой они создавались. Изучение славянского и русского ремесла на протяжении целого тысячелетия (с V по XV в. н.э.) открыло важнейший раздел средневекового хозяйства и показало ремесленный характер русских городов, их посада в XI–XV веках.

Выяснилась близость русского города XI–XIII веков к западноевропейскому, и вместе с тем рельефно выступила резко отрицательная роль татарского нашествия и длительного ига. Русь отстала от Европы на 2–3 столетия и смогла преодолеть это отставание (или уменьшить его) лишь в XVIII–XIX веках. Обилие массового археологи-

ческого материала подкрепляет исторические выводы и делает их устойчивыми.

И наконец, ”Слово о полку Игореве”. Это такая бездонная глубина или, если можно так сказать, такая необозримая заоблачная высота, которая разгадывается далеко не сразу. Начав заниматься ”Словом...”' еще до войны, я продолжал эту работу и потом. Пятнадцать лет назад написал две книги о ”Слове о полку Игореве”. Тогда мне казалось, что я сделал для раскрытия темы все, что может сделать историк. И вот в наши дни, когда готовилось юбилейное издание ”Слова...” (1185–1985) и я снова обратился к нему, оказалось, что это произведение надо читать заново. Сейчас именно этим я и занят. Читаю каждую строку. Сопоставляю с тем, что было сказано об этом времени в летописи. Выясняю, что могло быть, а чего быть не могло. Проясняются необычайная мудрость, тонкость автора ”Слова...”, который писал для нас с вами, для потомков. Он произносил слова обдуманно, облекая их в тончайшие намеки, которые его современникам были понятны без пояснений. Нам же с вами приходится переворачивать десятки источников, чтобы разгадать эти намеки. Сейчас я вполне убежден, что ”Слово...” гениально. Сравнить его можно разве только с творчеством Пушкина. Другого сравнения не подберешь. Емкое. Сильное. Патриотическое. Это речь, это слово, обращенное к полководцам, к тем, от кого зависела судьба Руси. Слово того, кто хотел сплотить Русь, поднять ее на общего врага. И делал это автор тонко, умно и действенно.

Книга последнего времени – ”Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.” – вышла к юбилею Киева. Здесь описаны события, исторические деятели, хозяйство, социальный строй, культура деревни и города. Отзывы на эту работу были хорошие. Но я не совсем доволен сделанным. Видите ли, издания, которые готовятся к юбилеям,

неизбежно несут на себе печать торопливости, спешки. Но дело здесь даже и не столько в спешке. Меня огорчает, что в эти работы не вошли новые сведения по археологии. То есть тот материал, который содержит статистические данные, может показать эволюцию общества, нюансы хозяйственно-социальных отношений. Пришлось исключить множество вопросов, на которые современная археология уже дает вполне определенные ответы. Более точные, более конкретные. К сожалению, этот огромный материал в книгу не был включен. И это невозможно исправить. Правда, успокаивает мысль, что на дополнительную работу ушло бы не менее десятка лет – многовато для двух печатных листов в юбилейном издании. Но так, очевидно, и должно быть. Не оказалось этих двух печатных листов, потому что не нашлось свободных десяти лет.

И еще одна тема, которая меня чрезвычайно волнует, – язычество Древней Руси, древних славян. Она полна романтики и почти не тронута историками. Исследователи касались отдельных сторон проблемы, изучали только поучения, которые писались против язычников. Один из историков весьма остроумно заметил, что многие поучения напоминают конспекты лекций, которые читались в Киево-Печерском монастыре, своего рода духовной академии Древней Руси. Может быть, и так. Но для более глубокого изучения темы необходимо привлечь дополнительно большой этнографический материал, археологию, необходимо воссоздать историю мировоззрений, найти их корни, вторгнуться в глубину памяти народной. И вот когда мы обнажим эти корни, окажется, что множество наших представлений уходит в глубочайшую старину.

К примеру, все мы празднуем наступление Нового года, желаем своим друзьям и родным счастья. Но подозревают ли многие, что еще современница мамонтов, возможно, провозглашала тост, поднимая турий рог – рог изобилия, символ счастья? Теперь, через много тысяч

лет, мы можем увидеть этот сюжет запечатленным на каменном барельефе. Конечно, шампанского в ту пору не пили. Может быть, это была кровь мамонта или что-то еще? Но важно, что это древнейший, пришедший к нам из каменного века обычай. Да и сам праздник Нового года – не церковный, а языческий. Это тот отголосок далекого прошлого, который прочно сохранился до наших дней.

Или вот еще. Ведь не секрет, что и футболисты, и шахматисты, и даже космонавты иногда хранят при себе талисманы. А ведь они тоже пришли к нам из первобытного общества. Для нас это всего лишь милая шутка, но она – отголосок далекой старины. Древняя культура и сегодня питает нас.

Язык любого народа – тоже память тысячелетней его истории. Поразительная вещь! Восемьсот лет поэме Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре", а в Грузии и в наше время простые крестьяне знают эту поэму наизусть...

Все мы восхищаемся "Золотым кольцом России" вокруг Москвы, его белокаменной архитектурой. Там можно встретить и XII век, и XV, и XVI, и XVII... Несколько столетий истории русской культуры, русской архитектуры, русского искусства. Для того чтобы посмотреть города "Золотого кольца", приезжают люди за тысячи километров. Переплывают океан, чтобы полюбоваться Покровом на Нерли, увидеть этот великолепный шедевр архитектурной гармонии.

А вот еще один пример связи веков: мы чтим потомка одного из дружинников XIII века, который родился и умер при расцвете феодализма. Но он жив среди нас и поныне. Он будет жить и в двадцать первом веке и в двадцать втором... Я имею в виду Пушкина.

Мне кажется, было бы неправильно обойти вопрос и о патриотическом значении истории. Но патриотизм,

к сожалению, бывает разный. Бывает так называемый "квасной патриотизм", когда свой народ считают значительно выше других, а ко всем другим относятся с пренебрежением. Неумно это, нелепо. Не следует делать свой народ единственным творцом культуры, – это не к чести народа.

Культура русская, как и каждая культура, рождена из сплава, из взаимного влияния культур разных народов. Вспомните, как бережно, с каким почтением относились к культуре других народов наши предки. Возьмите Нестора, летописца, который создавал историю Киевской Руси. Он предпослал своему труду очерк о многих народах планеты – от Британии до Индонезии, от Северной Африки до Китая... Столетие спустя "Слово о полку Игореве" уже ставит русскую историю, события на Днепре в один ряд с событиями в Центральной Европе, в степях Предкавказья и опускается в глубь веков, до первых веков нашей эры, вспоминая "Великую Скифь" и римского императора Траяна.

Один из авторов XIII века, который, несомненно, хорошо знал историю Нестора и "Слово о полку Игореве", в своем труде воспевал Русь: "О светло светлое, и украсно украшенна земля русская, всего еси исполнена ты. И многими красотами удивлена еси". Его гордость своей страной вполне понятна. Но и труд его не содержит никаких намеков на превосходство или пренебрежение к другим народам. Он с уважением упоминает их.

НЕ ГАДАТЬ, А РАССЧИТЫВАТЬ БУДУЩЕЕ

> Не кажется ли вам, что роль истории в духовной жизни нашего общества принижена?
>
> Бытует мнение, что история – не наука, а марионетка в руках политиков...
>
> Что первично для историка: факт или концепция?
>
> Что значит – "воспитание историей"?

Историческая наука обязана быть правдивой. Она никогда не может перейти в разряд точных наук, но своя логическая точность, добротность, взвешенность всех аргументов, анализ источников должны присутствовать в ней обязательно. А принижена роль не исторической науки вообще, а отдельных проблем в истории. Проблемы эти, несомненно, надо освещать со всей обдуманностью и со всей откровенностью.

Тысячи лет тому назад люди считали, что история – это летопись фактов героизма, и смешивали ее с поэзией и мифологией. Спорили о том, что выше: поэзия как таковая или история? Тогда история была предметом размышлений и повествований о фактах. О фактах и личностях, которые полезны как пример для последующих поколений. Это относилось к первобытности, к эпохе военной демократии, когда еще только зарождалось классовое общество. Появлялись первые государства.

У каждого народа это время отдалено на разные расстояния. Но прошли тысячи лет... Человечество развива-

лось, познавало мир, познавало себя. И вот со временем история перестает быть только суммой сведений о фактах. С появлением марксизма она начинает расцениваться как общественная наука, как неотъемлемая часть исторического материализма.

Культурные сокровища, созданные в прошлом, какой-то своей частью входят в наш современный быт и перейдут в будущее. Нет, культурное наследие не может быть ушедшим, отрезанным от нас. Оно и сейчас, и в будущем – часть культуры для каждого периода. Поэтому история – не только познание того, что уже ушло, умерло. Очень многое из созданий человеческой культуры является долгоживущим и даже вечным. Обращение к этому, понимание сущности того ценного, что из прошлого переходит в наше настоящее и от нас перейдет в будущее, так же, как и то, что будет создано нашим поколением, нужно рассматривать как эволюцию человечества. В этом заключается историзм мышления.

Без понимания прошлого нельзя понять настоящего. Без знания хода развития, темпов, причин замедления или ускорения мы не можем рассчитывать будущее. По своему значению я сравнил бы историю с экономикой. Для того чтобы понять сегодняшнюю экономику, необходимо знать, как это состояние сложилось. Тогда мы определим ее движение, направленность, тогда сможем не гадать о будущем, а рассчитывать будущее. Конечно, нужна опора на статистику, изучение многогранности явлений. И в этом нам помогает марксистская схема. Она нужна практически, хотя реальные формы развития общества не состоят только из четырех-пяти социально-экономических формаций. Марксистско-ленинская схема представляет собой то же самое, что меридианы и параллели в картографии. По координатам мы легко определим любую точку земли, расстояние от одной точки до другой, направление. Эти географические координаты не мешают восприятию

пейзажа, контуров материков, океанов. Они не дают конкретности, но организуют эту конкретность. Вот и история должна быть такой наукой, которая анализирует ход событий от прошлого к настоящему, намечая путь в будущее. Историк должен быть и экономистом, и философом, и историком литературы. Задачи у него очень сложные, возможностей ошибок, к сожалению, слишком много. От ложных позиций историкам надо избавляться. Именно сейчас, в период перестройки, в поле зрения историка должны попадать все периоды человеческого развития. Не следует прятать в архивах документы, которые по тем или иным причинам сегодня вызывают сомнения. История в эпоху гласности похожа на старинную картину, покрытую копотью. Вот реставраторы счищают пыль веков, и прошлое открывается нам в своем первоначальном виде, но уже освеженным слоем...

История, которая опирается на какую-нибудь концепцию без фактов, – всего лишь схема знания. Предположим, архитектор, задумав построить здание, создает его чертеж. Ну и живите в этом чертеже, укрывайтесь под ним от дождя. Неудобно? А ведь для строительства необходимы кирпичи. Начинать надо с фактов-кирпичей. Но класть эти кирпичи без чертежа-концепции тоже нельзя.

Приведу такой пример. Одна ученая дама, археолог, изучает древнерусские клады XII–XIII веков. Она делает вывод, что в Киеве ремесло было развито, ибо там найдено много кладов. А в Новгороде не было развитого ремесла, так как кладов нет. А что такое клад? Это имущество, спрятанное в минуту опасности, к которому его прежний обладатель вернуться не смог. Татары долго осаждали Киев, громили его. И потому люди прятали сокровища. Захватчики их не нашли, а хозяева погибли. Но Новгород татарских набегов не знал, стало быть, незачем было зарывать клады. Раскопки в этом городе показали, что там существовало блестяще развитое ремесло. Вот вам пример

совершенно неверного вывода. А ведь он как будто подтверждается фактами. Так что к фактам еще нужно приложить ум историка. Необходима логика, чтобы найти верный путь, как бы ни был запутан след предмета его поиска.

Античные авторы считали историю учителем жизни. И они были правы. Но для них история была сборником примеров – отрицательных и положительных, примеров героизма, которым надо подражать. В этом они видели ее смысл две тысячи лет тому назад.

В наше время история – прежде всего знание своего прошлого, своих корней. Знание того, как образовался наш народ, что было на его пути хорошего и плохого. Какие периоды были временем подъема, а какие – упадка, какие причины это порождали.

Каждый народ должен знать свою историю и уметь соотнести ее с историей других народов. Ведь у каждого из них свое прошлое, своя культура, свой язык... Все это – фундамент патриотизма.

Как развивался народ, что влияло на его характер? Воспитание историей – это воспитание на примерах, на рассказах о людях, о тысячах людей, создававших культуру, которой мы пользуемся. Письменность и литература, искусство, музыка – все это мы должны познавать. Это и есть воспитание историей – обращение к богатству всей человеческой культуры. И своей, и чужой. Это – знание того, что достигнуто. Восприятие достигнутого, гордость за свой народ, за его достижения.

Нигилизм части нынешних молодых людей, о котором сейчас много говорят, относится не к истории, а к той интерпретации, в которой история преподносилась. К той сумме ”абсолютных истин”, предлагавшихся вместо истории. Теперь эти истины требуют проверки, они становятся предположениями, а не формулами. И вместо этих успокоительных формул, вместо предположений наконец-то нужно дать Истину.

ГИПОТЕЗА ОСТАЕТСЯ ГИПОТЕЗОЙ

Что представляется вам в "Слове о полку Игореве" наиболее ценным?
В чем причина долговечности этого произведения?
Достиг ли автор "Слова..." цели, которую он ставил перед своим творением?
Так кто же он, автор "Слова..."?

"Слово о полку Игореве" построено не так, как французская "Песнь о Роланде", с которой его часто сравнивают: там – полуфантастическое повествование о героических делах, происходивших 300 лет тому назад. Так мы теперь могли бы рассказать о временах Степана Разина, присоединяя к описаниям реальных событий легенду о персидской княжне.

В "Слове..." же все пронизано живой современностью, заботой о завтрашней судьбе Руси. Автор не повествует, а призывает, убеждает, показывает и противопоставляет, стыдит и предостерегает, восхищается и приказывает. Это образец политического красноречия, слово, сказанное в лицо тем монархам и полководцам, от действий которых зависела судьба Руси. Кульминационная часть "Слова..." вся построена в повелительном наклонении:

Буй-Рюрик и Давыд!
"Вступита, господина, во злата стремена
за обиду сего времени, за землю Рускую,
за раны Игоревы!.."
Ярослав Галицкий!
"Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея
за землю Рускую, за раны Игоревы!"
Князья Волынских земель!
"Загородите полю ворота своими острыми стрелами
за землю Рускую!"

Если княжеский съезд в Киеве в конце 1185 года действительно происходил, то на нем почти несомненно должны были быть разногласия и разноречия: Игоря "каяли", порицали за трагедию на Каяле (об этом прямо говорится в "Слове...") и многие другие неблаговидные дела: за кровавую вражду с Владимиром Переяславским, за уклонение в 1184–1185 годах от общерусских походов на половцев, за неуемное стремление к военной добыче, погубившее его войско в 1185 году, за длительный союз с Кончаком (в 1180 году Игорь, Кобяк и Кончак совместно ввязались в усобицу в Полоцком княжестве; будучи разбиты под Киевом, Игорь и Кончак в одной ладье бежали от победителей).

Игорь вовсе не какой-то особенный злодей, он был типичным, стандартным средневековым феодалом: храбрым, рыцарственным, излишне воинственным (иногда лицемерным), начисто лишенным русского патриотизма и понимания общерусских задач. Такими же были и его сосед по княжеству Ярослав Черниговский и многие другие.

Автору "Слова..." о злосчастном походе Игоря, по поводу которого могли собраться князья, нужно было, во-первых, преодолеть общее "княжье непособие", инертность владетельных князей. Во-вторых, ему нужно было выгородить осуждаемого всеми Игоря, смягчить его несомненную вину, оторвать от союза с Кончаком (ведь сын Игоря женился на Кончаковне, старый союз мог возобновиться).

Одним словом, политическая и патриотическая задача автора состояла в том, чтобы подготовить русские земли эпохи феодальной раздробленности к отражению почти неотвратимого шестого нашествия Кончака. Его речь, его "Слово о полку Игореве", совпадавшее с убеждениями "великого и грозного" Святослава и его соправителя Рюрика, действительно было, как сказал Карл Маркс,

"призывом русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ".

"Слово о полку Игореве" ни в коем случае нельзя расценивать как придворное славословие. Придворные панегирики на события не влияют, никаких политических последствий они не имеют. И автор "Слова..." в первых же строках обособил себя от своего великого предшественника Бояна, придворного певца и гусляра прошлого века, заявив, что будет говорить "не по замышлению Бояна", прославлявшего князя Олега, друга и союзника половцев, и что для него, автора, значительно важнее "старые словеса трудных повестий", то есть печальные рассказы об усобицах XI века в период первых нашествий половцев и первых позорных союзов русских князей с половецкими ханами против своих русских соперников.

Чрезвычайно важно точнее определить, являлось ли "Слово..." простым рассказом о печальном событии или же это был реальный призыв к действиям? Мы мало обращали внимания на проверку результативности призыва. Привело ли это могучее, как набатный звон, слово к практическим результатам?

К счастью, мы можем по летописям установить степень эффективности "Слова о полку Игореве". Результаты были таковы:

следующий, 1186 год оказался мирным. Кончак, нападавший раньше по два раза в год, теперь 22 месяца не тревожил Русь;

в большой поход против Кончака, состоявшийся через 30 месяцев после трагедии на Каяле, объединившись, пошли все русские князья;

затихли усобицы вокруг Киева. Только на "украинах", в Галиче и в Рязани вспыхивали очаги распрей;

в 1187–1189 годах между многими князьями были заключены союзы, скрепленные, по обычаю тех времен, браками детей;

под 1190 годом киевский летописец записал: "Святослав со сватом своим с Рюриком утишивша землю Рускую и половцы примиривша в волю свою и сдумавша и идоста на ловы по Днепру в лодьях..."

Обратите внимание, 1180-е годы начались бегством Игоря в одной ладье с Кончаком и закончились идиллической охотой в ладьях двух киевских соправителей, постоянно возглавлявших оборону Руси от половцев. Перелом в противостоянии половцам произошел в середине этого десятилетия. Этим переломным моментом и был, по всей вероятности, тот сбор князей, на котором обсуждалась новая историческая обстановка после тяжелой кампании лета 1185 года.

Игорь, заручившийся поддержкой сильнейших князей, уезжает из Киева. Он спускается по Боричеву взвозу вниз, на Подол, мимо Пирогощей церкви близ переправы, чтобы вернуться в свое разоренное княжество. Отъезд князя из Киева поэт сопровождает мажорной концовкой:

Страны рады, грады веселы!
. . . . .
Здравы князи и дружина,
Побарая за христьяны на поганые полки!

Как мы видели, целых пять лет идеи, страстно провозглашенные автором поэмы-призыва, торжествовали и оберегали Русь.

Небольшому средневековому произведению, в семь-восемь страниц современного печатного текста, посвящено более пяти тысяч книг и статей на многих языках мира. Сделаны сотни его переводов. Великий образец политического красноречия – "Слово о полку Игореве" – прожил восемь столетий...

В чем же загадка такого могучего воздействия на умы и чувства отдаленных потомков?

Отчасти в околдовывающей поэтичности "Слова...". Чеканная емкая речь с переливами ритма, с точными и изящными сравнениями, с красноречивыми иносказаниями, строгой логикой и вежливой, но твердой правдивостью. Автор сближает действительность с богатым фольклорным сказочным миром: солнце предостерегает от несчастья, деревья роняют листву от печали, звери и птицы предупреждают об опасности, цесарь Руси, Великий князь киевский, может обернуться то соколом, защищающим свое гнездо, то волком, чтобы в одну ночь доскакать до Тмутаракани...

Христианских сентенций здесь нет, но зато поэма наполнена романтикой языческой старины: русичи – внуки славянского Аполлона – Дажьбога, поэт Боян–Велесов внук... Ярославна произносит чисто языческое заклинание, обращенное к солнцу, Днепру и ветрам.

Мудрый поэт своеобразен. Он заставляет своих слушателей непрерывно думать, разгадывать намеки, раскрывать сокровенное. Автор осуждает поход нетерпеливого Игоря. Вся природа пытается остановить полки. Одна фраза автора звучит колдовским пророчеством, хотя она и проста по форме: "...орлы клекотом на кости звери зовут..." Орлы над степью – это реальность похода. А какие кости? Ведь войско еще идет: топочут "комони", может быть, ветер поет, как эолова арфа в притороченных копьях... Костей еще нет... Но умрут всадники, падут кони, и орлы первыми слетятся расклевывать тела, обнажая кости обреченных русичей. В пяти словах – целая картина предстоящего.

Автор как бы приподнимает своих слушателей над современной им Европой, показывая ее от Венеции на западе до Волги на востоке, от Западной Двины на севере до городов южного Крыма. Он точно обозначил огромную державу Шаруканида Кончака, стержнем которой был Северский Донец.

Борьбу с половецкими ханами автор рассматривает шире, не только как оборону русских земель от вторжений. Он вписывает ее в сложную систему общеевропейских дел накануне третьего крестового похода Фридриха Барбароссы. Речь идет о международных торговых путях из Европы в богатые страны Ближнего Востока, перехваченных половцами. Днепр, Черное море, низовья Дуная – давний русский торговый путь. И вот на этом пути в 1180-е годы начали появляться половцы.

Исключительный интерес представляет исторический кругозор автора. Поставив в самых первых словах своей речи-поэмы задачу выяснения истоков первых усобиц и невзгод половецкого нашествия, он предваряет его молниеносным пробегом от "трояних веков" до Ярослава Мудрого и до горестных лет "Олеговых полков", когда русские князья вступали в союз с половцами. Автор знал и древний славянский эпос, и народные былины. Обращение к истории было не пустым щегольством образованностью – он убеждал историческими примерами.

Обычно летописцы лишь регистрировали события; некоторые из них решались на оценки отдельных поступков князей, но ни один из древнерусских книжников не поднимался до уровня понимания исторических явлений, до научного их осмысления и выявления корней. Впервые это сделал автор "Слова...", именно поэтому оно занимает почетное место не только в истории русской поэзии, но и в истории русской общественной мысли.

Уже многие поколения историков и лингвистов задаются вопросом: кем же был автор "Слова...", этот безымянный гений? Мудрец, проникший в глубину веков на такой же отрезок времени, на какой его поэма отстоит от наших дней, оратор и поэт, успешно возглавивший передовую общественную мысль Руси?

Во-первых, это был, судя по всему, влиятельный и образованный боярин, один из тех, кто посмел бы ска-

зать киевскому князю в горькую минуту: "Поеди, княже, прочь!"

Во-вторых, он не мог принадлежать к окружению Игоря, так как в "Слове..." почти ничего не сказано о Северской земле, о встрече Игоря, ушедшего из плена. О действиях же самого Игоря в трехдневной битве сказано только три слова: "Игорь полкы заворочает..." В "Слове..." содержится целый ряд серьезных обвинений Игорю и всей династии Ольговичей, завуалированных словами, иногда даже кажущимися хвалебными, но жесткими по своей сути. Он, автор, очевидно, из состава тех Рюриковых "смысленных мужей", которые в начале 1180-х годов поставили Святослава князем в Киеве.

Осведомленность и историчность мышления автора позволяют сопоставить его с киевским боярином-дипломатом Петром Бориславичем, с именем которого еще в XIX веке связывали часть летописи за 1152 год. Дополнительный анализ всего текста киевского летописного свода Рюрика 1198 года плюс материалы Василия Никитича Татищева позволяют нарисовать облик этого боярина-летописца чрезвычайно близким к облику автора "Слова о полку Игореве" по всем параметрам. Остается лишь разница в жанрах – примерно такая же, как у Пушкина между сухой "Историей Петра Великого" и поэтичной "Полтавой". В пользу этой гипотезы много аргументов. Одним из них является начало описания похода на половцев в 1168 году в Киевской летописи:

> **А лепо ны было, братие... поискати отецъ своих и дед своих пути и своей чести!**

А вспомните "Слово...":

> **Не лепо ли бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестий о полку Игореве...**

Но гипотеза остается гипотезой! Наш гениальный автор продолжает оставаться безымянным.

Сейчас я готовлю к печати третью книгу о "Слове о полку Игореве". В связи с юбилеем этого произведения – 800-летием – появилось очень много самых разнообразных работ, написанных и серьезными исследователями, и любителями. Открыты новые аспекты. Интересные разработки появились в отношении поэтики "Слова...", но, к сожалению, во многих юбилейных публикациях были ошибки, объяснимые невниманием к исторической стороне произведения. Оно расценивалось только как поэма, как произведение литературное. На самом деле это еще и поэтически выраженный политический трактат, написанный очень умным человеком, смотревшим далеко вперед.

Книга моя будет состоять из двух частей. Первая – построчный анализ "Слова...", вторая – то, что удалось узнать об авторе из летописей и подтверждено изысканиями лингвистов. Там я все-таки повторю свою старую мысль: автор – летописец, боярин Петр Бориславич.

ЗНАТЬ ПРАВИЛА ИГРЫ

Может ли заниматься историческими исследованиями человек без специальной подготовки?

Что вы думаете об исторических романах Балашова?

Как вы с позиции ученого воспринимаете исторические фильмы?

Чем многогранней подготовлен человек, тем легче ему будет освоить любую специальность. Я думаю, даже историк-любитель может принести немалую пользу науке. Но несомненно, что самоучка неизбежно будет ощущать отсутствие школы. Вот меня, кстати, спросили о Сергее Лесном, кто он и как я к нему отношусь? Он естественник по образованию. Эмигрант. Историей занимался как любитель. Хорошее знание латыни помогло ему разобраться в некоторых источниках. Какие-то его мысли интересны. Вот он как раз являет нам пример человека, хотя и без исторического образования, думающего над проблемами истории. Многие его построения носят наукообразный характер, по сути своей ненаучны. Труды его малоизвестны, и, мне кажется, в этом нет ничего страшного для исторической науки.

Для того чтобы заниматься наукой на современном уровне, конечно, необходима хорошая школа. Критическое отношение к своим учителям, к самому себе. Необходим анализ не просто любителя (любитель всегда доверчив), а строгого критика, который знает, как надо критиковать, что верно и что неверно. Человек становится ученым только тогда, когда овладеет правилами игры.

Мне несколько раз приходилось беседовать по этому вопросу с писателями и, признаюсь, не всегда со взаимным удовольствием. Моя позиция такова: писатель, если он стремится писать на историческую тему, должен доско-

нально знать эпоху. Это не обязательно должен быть исторический натурализм и вовсе не означает, что автор стеснен в сюжете, в фабуле, в характеристиках. Писатели, в свою очередь, очень часто сетуют на историков, что они как бы зажимают их в тиски, в какие-то жесткие правила, не дают развернуться. А стесненная фантазия писателя является тормозом для творчества.

Но ведь на писателе лежит огромная ответственность перед народом, которому он рассказывает какой-то эпизод истории человечества. Поэтому он должен быть на уровне современной науки и при спорных вопросах сознательно выбрать какую-то определенную сторону, развивать ее. Да, в художественной форме писатель не может быть стеснен историком – в своем царстве он неограниченный правитель. Но что касается характеристики эпохи, отдельных исторических лиц, то здесь, конечно, писатель должен понастоящему знать эпоху.

Можно привести такой пример. Игра в шахматы существует уже несколько тысячелетий, в ней полтора десятка правил. Но какое неисчислимое количество комбинаций! Сколько интереснейших партий! И все это многообразие основано лишь на нескольких простых правилах... Так что историки предъявляют писателям только одно требование – знать правила игры. Живописать, создавать характеры, воскрешать ту или иную эпоху в целом – с жившими в ней людьми. Это, разумеется, нелегко. Но труд писателя, взявшегося за исторические темы, усложняется вдвойне.

Мне очень понравилось одно выступление Валентина Пикуля по телевидению. Откровенно говоря, я не очень люблю его романы. На мой взгляд, в них несколько грубовато преподносится история России, слишком натуралистично. Так вот, когда Пикуль выступал по телевидению, его спросили: "В чем секрет вашей популярности?" И он ответил совершенно неожиданно, правдиво и смело:

"Народ любит историю. Народ хочет получить как можно больше сведений о своей родине. Но историки не дают этого. И поэтому Пикуль пишет". Примерно так ответил он. И это, думаю, очень верно. Действительно, историки во многом виноваты.

Для пользы дела должно быть установлено тесное содружество писателей с историками. Нужны встречи, живое общение. При создании произведения историк должен являться не только консультантом (обращение к специалисту за консультацией естественно), но и собеседником писателя в процессе всего литературного творчества. Именно вместе они должны обдумывать некоторые общие положения, раскрывать эпоху.

Уверен, когда Алексей Толстой писал "Петра Первого", он знакомился с большим количеством материалов и литературой о том времени. И хотя писатель сделал в романе около шестидесяти исторических ошибок, он все-таки представлял правильно эпоху в целом, общее направление движения общества. Отдельные погрешности не помешали ему создать великолепнейший роман.

Так пусть же историки принимают живое участие не в разгроме плохих работ после их публикации, а в предотвращении исторических ошибок.

В отличие от многих других исторических романистов, писатель Дмитрий Балашов знаком с летописями, хорошо знает жизнь средневековой деревни, городка, быт которых не менялся на протяжении столетий. Но вот вопрос о том, как передан язык той эпохи, непрост. Проблемы языка, речи в историческом романе вообще довольно сложны. Так вот, в произведениях Балашова герои разговаривают, по-моему, не на русском языке. Там какая-то смесь жаргонных словечек и церковнославянских оборотов. Это даже не диалект. Вот и получается, что можно создать интересный роман на интересную тему, но фаль-

шивый по языку, с искусственными, придуманными словесными оборотами.

Конечно, писателю обязательно надо дать почувствовать читателю аромат древнего языка. Можно ввести какую-то понятную фразу, характерную для той эпохи. Но необходимо дозировать диалекты с характерным языком. Во всем должно быть чувство меры, ведь главная цель писателя – изображать не язык, а человека в движении общества. Поэтому диалектизмы должны вводиться в произведение в минимальной степени. А выдуманные писателем языки вообще неприемлемы в исторической литературе. В этом я убежден.

Тема истории не только в писательском, а в любом творчестве – вопрос сложный, емкий, неоднозначный. Возьмем хотя бы исторические фильмы. Встречаются, правда, к сожалению, не так часто, ленты интересные, с достоверным отображением быта, с проникновением в характеры людей эпохи. Но есть фильмы, в которых, как и в иных исторических романах, авторы высокомерно пренебрегают исторической правдой.

Вспоминается такой случай. Был я приглашен консультантом на фильм "Слово о полку Игореве". Рабочего материала я так и не видел, однако мне показали вдруг уже законченную картину. Что же я вижу? Вместо XII века – на экране конец XVII. Актер, и в общем-то неплохой актер, для этого фильма совершенно не годился, бегал по Коломенскому в пиджаке и плохо читал текст "Слова...". Откровенно говоря, я был возмущен. Мне объяснили, что ехать во Владимир для съемок архитектуры XII столетия – дорого, что на картину и так уже затрачено 140 тысяч рублей. Мне пришлось отказаться от участия в подготовке этого фильма. А потом я узнал, что он так и не увидел экрана. Значит, деньги были затрачены зря.

Но есть и удачные, на мой взгляд, работы. Например,

”Русь изначальная”, фильм о довольно темном периоде истории славянства. По-моему, фильм сделан хорошо, добротно. В основу картины положен роман Валентина Дмитриевича Иванова, написанный превосходно, со знанием русских и византийских источников. И в то же время следует отметить, что VI век нашей истории чрезвычайно труден для экранизации. Уж очень мало мы знаем о жизни славян той эпохи. Однако авторам удалось дать представление о древних славянах, их обычаях. Создателям фильма, правда в несколько сжатом виде, удалось показать и Византию. Исторической достоверности они достигли именно тем, что основывались главным образом на сочинении Прокопия Кесарийского, автора VI века.

Как пример хорошего исторического фильма можно было бы назвать многосерийный телефильм ”Михайло Ломоносов”. В нем достоверный быт и интересно отобранные эпизоды. Картина дает представление не только о Ломоносове, не только о развитии науки того времени, но и о жизни XVIII столетия, о трудностях, которые стояли перед людьми. Чувствуется, что создатели фильма отнеслись с большим уважением к гениальному человеку, который сумел преобразовать не только свою собственную жизнь, но и российскую науку того времени.

Короче говоря, я вижу залог удачи в тесном контакте деятелей искусства, писателей, художников, кинематографистов со специалистами-историками. Именно люди, занимающиеся творчеством, могут донести историю в живом виде, в доходчивой, увлекательной форме.

Мы, археологи, находим подлинные остатки древней жизни, воскрешаем в своих реконструкциях облик жилища, вооружение, одежду и прочее, а писатель, художник может сделать больше – населить эти жилища людьми, поставить защитников на стены древних крепостей, вооружить их, одеть в одежды, соответствующие эпохе. Чрезвычайно увлекательная работа и очень важная.

ПРОФЕССИЯ – ПЕДАГОГ

> Сейчас много говорят о роли общественных дисциплин в высшей школе, однако истории нет не только в программах технических вузов, но и целого ряда гуманитарных факультетов. Что вы об этом думаете?
>
> Достаточную ли педагогическую подготовку получают выпускники университетов, которые приходят в школы, профессионально-технические училища?
>
> Как вы относитесь к критике вашего учебника?

Прежде всего, хочу сказать, как я сам отношусь к преподаванию. Отсчет преподавательского стажа в различных высших учебных заведениях веду с 1933 года. Сначала это был Московский областной педагогический институт, затем – Московский государственный университет. До настоящего времени я – профессор этого университета и очень дорожу возможностью общаться с молодежью, наблюдать, как она воспринимает историю, что читает, о чем размышляет.

Конечно, недопустимо, чтобы будущие гуманитарии, например журналисты и философы, не знали своей истории. Историзм – это не просто знание фактов, знание королей и римских пап. Важны историзм мышления, знание основных этапов пути исторического процесса. И философам, и журналистам это просто необходимо. В какой-то мере это нужно и математикам, и биологам. Но здесь, очевидно, следует учитывать насыщенность вузовских программ. И как бы ни была соблазнительна мысль об обязательном и поголовном изучении истории, это все же утопия. Перегруженность программ – основное препятствие в решении вопроса. Мне кажется, что наиболее короткий и вполне реальный путь к умам и сердцам людей должен лежать через хорошую историческую прозу.

Думаю, что в связи с общей перестройкой в стране в значительной степени возросла роль учителя. Преподаватель становится, так сказать, движущей силой общества. И ему надо всемерно помочь. К сожалению, у нас чрезвычайно мало литературы для учителей, они безоружны, не имеют достаточного подспорья преподавательской работе. Этот недостаток необходимо исправить в кратчайшее время.

Став педагогом, вчерашний студент вступает на определенную стезю, по которой должен двигаться дальше. Овладеть профессионализмом в годы учебы очень трудно, потому что студент – хороший, серьезный – постоянно ощущает дефицит времени. Возможно, в первый год самостоятельной работы выпускника необходимо держать под постоянным контролем, всячески помогать ему. Самый действенный способ научить человека плавать – бросить его в воду. И он поплывет, пусть и со страховкой на первых порах.

Вспоминаю себя студентом университета, а было это в конце 20-х годов. Правда, историков тогда я знал слишком мало. У нас было особое археологическое отделение, и с историками мы практически не общались. Да и они тоже не интересовались ни Киевской Русью, ни древностью вообще. Считалось, что это "бегство от современности", что изучать следует только события, происходившие не ранее чем позавчера. И преподавать в то время историю начинали с периода декабристов. Или говорили два-три слова о том, что были крестьянские войны – Степан Разин и Емельян Пугачев, потом – декабристы и после этого – крестьянская реформа, народничество, марксизм. Происходило страшное искажение исторической правды. Так изучать историю нельзя. Ведь доходило до того, что на вопрос: "Кто такие опричники?" на экзамене студент отвечал: "Опричники – это городовые и полицейские, охранявшие царский престол". Действительно, в 1905 году

бытовало выражение "полиция – опричники престола", но ведь говорили сопоставительно, иносказательно...

В университетские годы мне довелось участвовать во многих экспедициях, раскопках, и одновременно я познавал методику исследовательской работы. Тема моя – древние славяне, Киевская Русь. Одной археологией, без истории и литературы, здесь невозможно было обойтись. Те же летописи – полулитература, полуистория. Поэтому свое образование я построил на трех китах: археология, история, литература.

Сегодня приходится слышать сетования многих учителей: мол, нет хороших учебников, так чего же требовать от нас качества подготовки школьников? Тоже непростой вопрос. Обращусь к собственному опыту. Более двенадцати лет тому назад коллективом авторов был написан учебник для 7-го класса средней школы. Мы получили задание создать учебник на уровне современной исторической науки и выполнили его. Но Академия педагогических наук тормозила выпуск нового учебника, требуя включения в него твердых, отлитых в штампы формулировок. Объяснялось это тем, что дети якобы должны знать истину в завершенном, отполированном виде.

Мы же, авторы, считали: детям прежде всего необходимо научиться размышлять и делать самостоятельные выводы. Это были, как вы понимаете, принципиальные расхождения.

Учебник все-таки вышел. Но на нас обрушились авторы старого учебника и их союзники, в том числе и в "Учительской газете". Что ж, критика, особенно аргументированная, конструктивная, идет только на пользу. Но тут дело, по-моему, в другом. Учебник оказался труден не для детей, а для учителей. Что ж делать, это понятно – ведь самих педагогов учили по старым учебникам. К тому же они, как я уже говорил, совер-

шенно не располагают литературой, соответствующей современному уровню исторической науки. Поэтому и не удивительно, что учитель не мог растолковать детям учебник, который был рассчитан на широко образованного и глубоко знающего историю преподавателя. Сейчас готовится второе издание учебника. Мы предполагаем учесть критические замечания по распределению материала, изложению.

Но мне думается, что учебник не должен существовать изолированно. Скажите, может ли хоккеист участвовать в игре на одном коньке и еще при этом забивать голы? Нет, конечно. Так вот, учебник – все равно что один конек. Его необходимо подкрепить книгой для чтения. Книгой по важнейшим историческим проблемам, содержащей самые современные взгляды на историческую науку.

И главное, я убежден, что не следует опускать учебник до уровня плохого учителя, а надо поднимать учителя до уровня современной науки и в этом ему помогать.

СУДЬБА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ – ЗАБОТА ОБЩАЯ

Как вы относитесь к проблеме сохранения памятников старинной архитектуры?

Стоит ли строить заново Сухареву башню?

Было объявлено о реконструкции Государственного Исторического музея. Не приведет ли это к утрате бесценных исторических реликвий?

Еще лет пятнадцать тому назад на одном из заседаний Общества охраны памятников истории и культуры я предлагал создать "Черную книгу", в которую заносить имена тех, кто подписал документы на разрушение памятников. Народ должен знать имена своих доморощенных геростратов. Мне ответили, что издание такой книги невозможно. Но это было тогда, а сегодня, мне кажется, имена варваров, сознательных разрушителей скрывать уже не пристало. И общественность помнит эти имена – давно занесла их в позорный список. Такую "Московскую летопись", начиная с конца 20-х годов, вел замечательный человек, истинный подвижник, архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал "Огонек" за 1930 год. На обложке номера помещена фотография руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры – собора Симонова монастыря. Характерна и подпись в духе того времени: мол, на месте храма мракобесия построим Дворец науки и культуры. Только почему "на месте храма", а не поодаль от него, чтобы старое и новое дополняли друг друга, создавая единый ансамбль? Благо условия для этого были прекрасные: вокруг Симонова монастыря тогда простирались обширные, ничем не застроен-

ные пустыри. И все же храм снесли. На его месте воздвигнут Дворец культуры автозавода имени Лихачева...

Мне очень близко и понятно беспокойство, которое испытывают сейчас многие по отношению к судьбе памятников истории и культуры. В сохранении их, конечно, не последнюю роль играют реставраторы. А их работа, к сожалению, не всегда бывает выполнена качественно, профессионально, нередко возникают и спорные вопросы – а нужно ли вообще восстанавливать тот или иной памятник? Ну, что касается реставрации Золотых ворот в Киеве, то это еще полбеды, они выглядят даже романтично.

А вот по поводу правомерности восстановления Сухаревой башни меня как-то спросил один корреспондент. Я ответил: что ж, может быть, это было бы и хорошо, восстановить. Но сам, откровенно говоря, подумал, что подобные работы обойдутся не в один десяток миллионов рублей. Думаю, что и разрушение этого памятника стоило довольно дорого.

И вот, по здравому рассуждению, должен сказать, что восстанавливать сейчас Сухареву башню вряд ли имеет смысл. Тем более, что по существующим проектам предлагается поставить ее совсем в другом месте. А ведь это была проездная башня Земляного города. По моему глубокому убеждению, воссоздание моделей, копий лишено самого принципа историзма, подлинности. Дорога ведь не форма какого-то здания, а то, что это здание дошло до нас живым, настоящим. Если бы Сухарева башня хоть в каком-то виде сохранилась, мы, глядя на нее, вспоминали бы, что здесь некогда работал Яков Вилимович Брюс, здесь располагалась школа навигацких наук, в которой учились будущие математики, геодезисты, астрономы, моряки, здесь преподавал Леонтий Магницкий... Вот что было бы нам дорого. Но модель здания не рождает такого воображения.

Центр любого города является обычно его зародышем, центром историческим. С него город начал расти сотни, тысячи лет назад. Центр Москвы – это, конечно, Кремль. Затем Китай-город прирос к Кремлю с востока. Появился Белый город, – оправдывающий название, – когда-то белокаменный, с интересными воротами, проездными башнями. У Кропоткинских и Яузских ворот и теперь видны остатки крепостного вала Белого города. И наконец, Земляной город – Садовое кольцо. И конечно, в рамках Садового кольца, в рамках этого шестнадцатикилометрового круга, желательно все сохранить. К сожалению, сейчас уже многое утрачено. Нет иных типично московских кварталов, старинных домов с закругленными углами, разветвленных переулков, о которых Есенин говорил: "На московских изогнутых улицах..."

Центр Москвы – это живой учебник истории быта, культуры, искусства. Как сочетать это с живущим и растущим городом? Очень трудный вопрос. Потому что едва ли удастся сохранить центр города в полной неприкосновенности. Но стремиться к этому надо. Ведь мы уже столько уничтожили напрасно из того, что совершенно никому не мешало.

Помню, на Маросейке, ныне улице Богдана Хмельницкого, некогда стояла Покровская церковь, построенная Петром Потаповым. Прекрасный образец московского барокко. Высокая, с великолепным внутренним пространством – почти как в готическом соборе. Высота, свобода, пространство производили огромное впечатление.

В 1812 году Наполеон, покидая Москву, приказал взорвать эту церковь в числе других памятников. Французы этого сделать не успели, а может быть, пожалели. Ну, а в 30-е годы это красивейшее сооружение разобрали по кирпичику. Построили на этом месте четыре пивные палатки. Каждый истинный москвич воспринял это как пощечину.

Надо отметить, что у нас все-таки еще сохранилось достаточно памятников архитектуры. Хотелось бы, чтобы все они приняли приличный вид. Надо вернуть, конечно, и старые названия улицам в историческом центре Москвы – тогда оживет и ее история.

Есть у меня еще мечта – гостиный двор в Москве, который находится в самом центре, рядом с гостиницей Россия, здание монументальное, прочное, превратить в музей Москвы. Это было бы величайшим делом.

Хочется высказать еще одно пожелание: отметить результаты работ советских реставраторов в разных республиках нашего Союза. Необходимо издать хороший красочный альбом "Воскрешенная красота", где были бы собраны все возрожденные памятники старинной архитектуры. Такое предложение я внес на одном из первых съездов ВООПИК лет двадцать тому назад. Идею одобрили, но никто ничего не сделал для ее реализации. А такой альбом произведет очень сильное впечатление и на нашу, и на мировую общественность, потому что даже специалисты по истории культуры не представляют, как много сделано реставраторами, какие неведомые сокровища открылись нам в результате семи десятков лет исследований, раскрытий, восстановлений!

И уж если продолжить мечту, я не смогу обойти Государственный Исторический музей. Его значение в развитии отечественной истории, в популяризации исторической науки невозможно переоценить.

Само здание Исторического музея построено в 1876 году, и в настоящее время оно, естественно, нуждается в ремонте и реставрации. Я почему-то очень надеюсь, что после этих работ возможности музея значительно расширятся. Если бы мы смогли все, что хранится в его огромных подвалах, разместить в выставочных залах, то экспозиция по площади увеличилась бы примерно в двадцать раз. И была бы она сказочно интересна.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ЖДУТ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Какова роль истории в современном мире?

Ваша оценка времени, связанного с дятельностью Сталина.

Есть ли спорные вопросы в древнерусской истории?

Нередко еще можно слышать такие утверждения: мол, летать в космос и прокладывать в тайге дорогу можно и без знания "Слова о полку Игореве", "Повести временных лет". Конечно, можно, но жизнь человека не ограничивается только тем, что он строит дорогу, ходит на работу. Он мыслит, чувствует, читает, смотрит – словом, воспринимает культуру, постоянно соприкасается с ее ценностями, накопленными в течение веков, тысячелетий. И здесь знания истории необходимы. И дело вовсе не в том, чтобы запомнить все исторические даты. История учит, прежде всего, историчности мышления, дает идею развития, идею движения, помогает человеку лучше ощутить связь со своим народом, с его надеждами и свершениями, с его болями и радостями.

Но история – это не только знание. Это идейная, нравственная сила, связывающая времена и поколения, утверждающая в сознании человека исторический оптимизм, неизбежность победы нового над старым. Как раз это социальное значение истории и отрицается на Западе. В эпоху НТР, считают там, история изжила свою социальную функцию. Между тем именно истории принадлежит важнейшая роль в определении перспектив развития человечества. История и современность тесно, неразрывно взаимосвязаны: история помогает глубже понять настоящее, настоящее побуждает обратиться к истории.

Сейчас наступило новое время, когда мы обо всем можем говорить во весь голос, правдиво. Надо этим поль-

зоваться. Необходимо восстанавливать историю, оценивать тот или иной период. Мы, к сожалению, отвыкли от дискуссий. А они необходимы. Должна наступить эра дискуссий творческих, с тщательным взвешиванием аргументов. Я призываю всех критически отнестись к исторической литературе, к обсуждению проблем больших и малых.

Такой пример: ленинградский историк И.Я.Фроянов в своей работе пытается доказать, что до 1241 года Русь являлась доклассовым обществом. То есть – первобытным. Сразу скажу – система его доказательств шаткая, не всегда грамотная. Белокаменные соборы, живопись, "Слово о полку Игореве", церковная литература, энциклопедические сборники, летописи, которые содержат ряд ярких политических представлений того времени, – все это, по представлению Фроянова, создано в первобытном обществе.

К сожалению, от предложенной дискуссии Фроянов уклонился. Вот этого я понять не могу. Если уж ты сказал слово, то отстаивай его. Или мужественно признай свою ошибку.

По многим вопросам надо спорить, и не откладывая. Я лично далеко не со всем согласен, что сейчас декларируется. Безусловно, не каждый труд по истории является объективным отражением хода исторического процесса. Тут и классовые, и национальные, и религиозные интересы автора могут сыграть свою роль.

Скажем, в среде западных авторов иногда "гуляет" мнение, что нет истории, а есть творчество историка. Это не так, потому что любой исторический труд открыт для критика. Любая субъективная позиция выявится в результате критики людьми сведущими, которые хорошо знают эпоху, источники. С проявлениями классовых, групповых, националистических, религиозных интересов надо бороться. И сейчас гласность нам в этом помогает. В результате дискуссий постепенно срезаются субъективные острые углы, и мы приближаемся к истине.

Многое могут прояснить по объективным оценкам статистика, анализ нашего хозяйства и уровня жизни. Надо искать материал для доказательств и доказывать. Ну, а если доказательств нет или существуют лишь ссылки на то, что "источников нет – доказать не можем", – такая ситуация не научная.

Надо выяснить степень нашего доверия к тем или иным источникам. И внести необходимые поправки. Когда артиллерист ведет расчет стрельбы, то он должен заранее учесть плотность воздуха, направление ветра, рассчитать точно расстояние до цели. Сначала он вынужден вести чисто математическую работу по вычислениям, учитывая все поправки, которые надо внести в расчеты стрельбы. Только после этого производится выстрел. А если цель не поражена? Тогда надо проверять расчеты, вносить какие-то поправки, менять данные и после этого стремиться попасть в цель.

Исследования, связанные с периодом сталинизма, я считаю, необходимо продолжать. Причем изучать надо не только личность Сталина. Ведь в это время жила страна, жили люди. Вот это и нужно рассматривать пристальнее. Двигалось ли наше государство, куда оно двигалось, какой был его внутренний климат и каковы результаты развития – положительные или отрицательные, завышенные или реальные... Все надо изучать, во всем докапываться до истины. Стоит просчитать и возможные результаты существовавших тогда альтернативных путей развития. Тут колоссальная работа для историков, экономистов, международников. Слишком много вопросов, которые нужно ставить – собирать материал и изучать. Изучать коллективно, привлекая специалистов самых разных направлений.

Я вспоминаю принцип отца истории Геродота. Его младший современник упрекал Геродота в том, что он записал множество всяких небылиц. Историк ответил:

"Я записываю все, что мне говорят, но верить всему не обязан..."

Мне кажется, что и сейчас нужно зафиксировать все, что волнует, интересует людей, а затем во всем обстоятельно разобраться.

Для того чтобы доискаться до настоящей исторической правды, нужна вдохновенная работа по изучению сложностей развития нашего общества. В истории советского периода нашей страны есть "белое пятно", почти не затронутое исследователями, – жизнь бывших российских губерний в 1918–1921 годы за пределами РСФСР. Ведь во время гражданской войны по ту сторону границы работали заводы, банки, в университетах читались лекции, выходили газеты, шли спектакли... Из 52 губерний царской России в состав РСФСР входило только 20–25 губерний. А где история остальных регионов с их сложным национальным составом? А ведь эти земли теперь входят в наш Союз. Пеструю, суетливую, крайне противоречивую историю этих земель мы должны знать.

Хватает еще "белых пятен" в древнерусской истории. Взять хотя бы время происхождения Киевской Руси. Об этом я написал дискуссионную статью "Новая концепция предыстории Киевской Руси". Хронологически я начал с того времени, когда первые славяне, наши отдаленные предки, отстоящие от нас на две с половиной тысячи лет, уже порывали с первобытностью. У них появлялись имущественное неравенство, всадничество, вожди, погребения с богатым вооружением, золотыми вещами. Уже, казалось бы, можно говорить о государственности. Но это надо утверждать очень осторожно. Необходимо учитывать волнообразность движения истории. Нападают кочевники – уровень падает. Порываются связи с высокой цивилизацией – снова уровень падает. Восстанавливаются связи с Грецией или Римом, и культура поднимается выше. Вот такое движение – постепенное, сложное, географи-

чески неравномерное. Неравномерность во всем: в пространстве, в интенсивности, в скорости движения. Вот такую гипотезу я высказал на страницах журнала "Вопросы истории". И к сожалению, ни одного отклика — ни отрицательного, ни положительного. А проблема очень важная, потому что мы, как правило, начинаем свою историю лишь с того момента, с которого начинал древний летописец. Киевское государство рождалось не сразу, но высокая точка почти государственного уровня появилась за полторы тысячи лет до общепризнанного периода Киевской Руси. На это указывают многие признаки. Все это надо проверять. Чем не проблема?

Короче говоря, проблемных тем, спорных бесчисленное множество.

Признаться, к целому ряду вопросов я отношусь гипотетически. И многие проблемы, которые я решаю, по моему убеждению, так и должны быть решены — на уровне гипотез. Разумеется, я не считаю, что все, мною высказанное, является святой истиной. Те, кто со мной не согласны, пожалуйста, опровергайте, пишите.

Недавно журнал "Вопросы истории" обвинили в том, что он печатает исключительно положительные рецензии. Так вот, я и призываю: напишите рецензию отрицательную. Критика почему-то у нас понимается чаще всего как ругань. Раскритиковали ученого — у него инфаркт, и он ушел с работы. Нет. Критике должны быть присущи объективная оценка, взвешивание плюсов и минусов, отражение хорошего, нового и несогласие с какими-то ошибочными определениями. Спор по поводу аргументации, спор по системе доказательств, по окончательным выводам. Именно такой спор и должен вестись.

Когда критикуют мою концепцию Киевской Руси, то иногда берут в качестве примера территорию Верхней Волги. А ведь Верхняя Волга — это не передовой участок Древней Руси. Я бы назвал эту местность — "медвежий

угол". А разве можно по медвежьему углу судить об общем уровне? Существовали ведь и передовые области, скажем, такие, как Среднее Приднепровье. Эти земли выделялись по своему темпу развития. На это я и указываю в своих работах. И жду дискуссии, хотелось бы, чтобы в ней приняли участие историки и лингвисты, археологи и этнографы. Все вместе мы решили бы, что считать государством, что полугосударством. Каковы признаки рабовладельческого строя, феодального. И поспорить хотелось бы в открытую. Вот путь к истине.

Не сомневаюсь, что у нас в исторической науке есть талантливые молодые ученые, умеющие нестандартно мыслить. И их немало — и в больших городах, и в малых, отдаленных от центров. Но, к сожалению, ученые с периферии находятся в трудном положении: у них нет библиотек, им нелегко общаться с коллегами. Случается даже, что они не всегда осознают, куда продвинулась наука в том или ином направлении. Поэтому мало участвуют в дискуссиях, в творческих контактах. Думаю, что издание популярного исторического журнала с широким кругом читателей существенно помогло бы в таком общении. На его страницах могли бы выступать начинающие ученые, исследователи. Прекрасное поле деятельности для приложения сил молодых историков.

АРОМАТ ПОДЛИННОСТИ

Археология и современность – сопоставимы ли эти понятия?

Какие фундаментальные вопросы отечественной истории помогла решить археология?

Существовал ли на Руси рабовладельческий строй?

Нужно ли продолжать поиски библиотеки Ивана Грозного?

Для каждого человека, а тем более для историка, чрезвычайно важна подлинность древнего. Именно подлинность. Сейчас очень часто воспроизводят старину, но каждое такое воспроизведение всего лишь копия, реконструкция. Поскольку нет главного – подлинности. Когда вы идете по улице Новгорода, название которой упоминалось несколько столетий назад в летописях, то у вас сразу возникает связь времен. Скупые летописные строчки как бы оживают, дышат "ароматом" прошлого. И вы уже представляете: вот по этой улице буйные толпы новгородцев шли на вече, вот здесь разноязычно шумел знаменитый торг.

А возьмите нашу Красную площадь, Кремль – сколько видели они исторических лиц, какие грандиозные события пережили! Причем если историк средневековья "видит" сравнительно недалеко, опирается в своем представлении главным образом на письменные памятники, то археолог "погружается" глубже, в самую раннюю историю. Когда я прихожу к Кремлю со стороны устья реки Неглинной, то мне вспоминаются имена князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, построивших на Боровицком холме усадьбу и крепость, их предшественника боярина "именем Кучко Стефану Иванову", обосновавшегося здесь еще раньше.

Нет ныне их усадеб и крепостей. Но археология не позволила забыть эту историческую страницу. Найдены остатки фундамента, хозяйственной жизни. И теперь, оказавшись во Дворце съездов, – а он стоит на месте усадьбы Кучки и Долгорукого, – я мысленно восстанавливаю, по запавшему навсегда в памяти плану раскопок, княжий терем, связи окружающих изб... Отсюда начиналась, отсюда пошла Москва! Быть может, нам следует поступить так же, как поступили парижане, обозначив на современной площади камнями особого цвета контуры Бастилии, разрушенной восставшим народом в 1789 году? Тогда фойе Дворца съездов будет пересечено разграничительной чертой, на запад от которой в 1156 году находился княжий двор основателя Москвы Юрия Долгорукого. Археология позволяет найти заветный ключик к людям прошлого, к событиям и пониманию их.

Археологические раскопки дают возможность все время соприкасаться с подлинностью. При этом археолог всегда должен быть немного фантазером, криминалистом, потому что прошлое оставляет нам в большинстве случаев какие-то крохи. Остальное надо дополнить, домыслить. Разумеется, призываешь на помощь фантазию не ради только фантазии. Речь идет о воображении творческом, которое опирается на факты, регулируется наукой, не лишенной, впрочем, смелости, даже дерзости.

Вот я раскапываю фундамент жилища. Но у этого жилища когда-то были стены, крыша. Какие они? Иногда в раскопе попадаются кусочки позолоченной меди. И тогда сразу вырисовывается облик здания. Становится ясно, что перед нами терем, маленький, но златоверхий. Отсюда, наверное, народная фантазия черпала для своих сказок золотые терема, в которых жили добрые и злые князья. Вот вам еще одна ниточка прошлого и настоящего, еще одно воссоздание давно прошедшего.

Наука вообще, на мой взгляд, без фантазии, романтики жить не может. Конечно, в каждой науке очень много "скучной" части, когда надо что-то считать, вести статистику, сопоставлять, проводить различные анализы и так далее. Черновой работы, одним словом, предостаточно, и она одна из главных, существенных сторон научного творчества. Кто не готов к ней, кто ищет быстрых и легких успехов, кто жаждет гениальных озарений, за которыми не стоят долгие, напряженные раздумья и поиски, тому в науке делать нечего. А в археологии тем более. Но для меня вся эта необходимая, черновая сторона нашей работы всегда наполнена романтикой.

У историка, когда он проходит, скажем, по Москве, постоянно, иногда даже помимо его воли, возникают определенные ассоциации с теми или иными улицами, домами, переулками, с историческими личностями и событиями. Вот я живу на Ленинском проспекте. Для меня это не просто современная магистраль города, а древний путь из Киева в Северо-Восточную Русь. Он доходил до Москвы и здесь расходился: одна дорога на Ростов, другая на Владимир. Вот вам одно из объяснений появления и роста Москвы в древности...

Еще пример. Застава Ильича, бывшая Рогожская застава. В центре площади стоит столб, некогда означавший границу Камер-Коллежского вала. На нем надпись: "До Москвы 2 версты". Если вы пойдете по направлению к центру, то ровно через две версты окажетесь на Земляном валу – Садовом кольце. И это тоже говорит о многом: и как Москва строилась, и как продвигалась. Надо только бродить по Москве, по родному городу, немного фантазируя, воссоздавая. И это доступно каждому. Надо только любить, интересоваться и изучать историю.

...Путь на Киев – Ленинский проспект. Пограничный столб – рост Москвы. Все это подлинные вещи, подлинные улицы, дома, материальные, археологические остат-

ки, вокруг которых сплетаются определенные ассоциации. По мере новых находок эти ассоциации расширяются, связываются в комплекс проблем, становятся предметом исследования. И все это сдобрено ароматом подлинности. Подлинности, которую во многом нам помогает обрести археология.

Разумеется, то, о чем я говорил, лишь одна из ниточек, которая протянулась от археологии к современности. Есть и другие, не менее важные. Но мне хотелось подчеркнуть именно это удивительное свойство археологии – приобщать к прошлому, к той подлинности, которая становится для исследователя исходной точкой и ориентиром в нелегком процессе познания.

На этом мучительном пути к познанию археологу невольно приходится "забираться" в другие, самые разные науки, даже в математику. При раскопках 1946–1947 годов в Чернигове нами были обнаружены остатки фундамента церкви 1186 года, построенной одним из героев "Слова о полку Игореве" Святославом Киевским. Работы осложнялись тем, что послевоенный Чернигов был засыпан слоем щебня и мусора, который иногда достигал шестиметровой высоты. На общую расчистку территории у нас, естественно, не было ни времени, ни средств. Вот и пришлось углубиться в математические расчеты, чтобы выявить пропорции здания, его примерную величину. При этом приходилось пользоваться системой мер, принятой в Древней Руси. А это, как вы понимаете, не облегчало работу.

В результате проведенного мною исследования выяснилось, что древние русские зодчие применяли очень интересную систему предварительных математических расчетов пропорций зданий. Основу метода составлял чертеж – система вписанных квадратов или прямоугольников, где отношение сторон такое: если длинная сторона – число "а", то короткая – "а", умноженное на

корень квадратный из двух и деленное пополам. Система таких прямоугольников, основанная на указанных соотношениях, позволяет решать целый ряд геометрических задач.

Ну, например, всем известно, что абсолютно не разрешима задача квадратуры круга. Пользуясь методами древнерусских архитекторов, я могу решить эту задачу в 5–8 секунд. Решение, естественно, будет не абсолютно точным. Погрешность составит шестнадцать десятитысячных, которая практического значения не имеет. Теории древних строителей не интересовали. А для практики им этого было достаточно. График являлся своего рода логарифмической линейкой, которая позволяла создавать разные соотношения, пропорции, вплоть до отношения золотого сечения.

Вообще выяснилось, что планы возведения древнерусских церквей и все габариты зданий рассчитывались при помощи сложной фигуры, носившей название "вавилон". Оказалось, что это интересный раздел древнерусской математики, взятой не из Византии и не из Западной Европы. "Вавилон" появился в X веке в Болгарии, в XI веке на Руси. И возможно, это метод азиатского происхождения, еще более древний.

Нас часто расспрашивают: какие открытия вы сделали? А мы, археологи, делим свои открытия на два разряда. Первый – подарки судьбы, необычайные открытия – царские погребения, древняя живопись. Словом, то, что поражает воображение не только историков и археологов, но и людей, далеких от нашей сферы.

Новгородские грамоты, безусловно, очень важное открытие. Но это счастливое стечение обстоятельств. Огромный, семи-восьмиметровый культурный слой Новгорода пропитан кислотами, которые позволяют сохраняться бересте. И этот необыкновенный подарок судьбы получил в 1951 году не только Артемий Владимирович Арциховский, но и вся историческая наука.

И конечно, это не только счастливое стечение обстоятельств, но и результат заранее задуманных многолетних работ по изучению большого города. Арциховский посвятил всю свою жизнь Новгороду. Еще в молодости он избрал его объектом изучения, и в результате длительных, многолетних раскопок судьба наградила его таким подарком.

Но что замечательно: подобные открытия, может быть, меньшего значения, происходят каждый год. Вот, например, археографическая экспедиция в Сибири обнаружила современные мастерские – скриптории средневекового типа, в которых от руки переписываются и иллюстрируются книги церковного содержания. Создавали эти книги для себя потомки старообрядцев...

Подобные открытия, находки случайны. Предусмотреть их нельзя, но ожидать можно. Мы, безусловно, всегда им рады. Но они не могут определять наши планы. Главная наша цель – выяснение истории человечества. В этом мы солидарны с историками, только у нас свой метод, свои особые приемы работы. В сфере внимания археологов находится огромный промежуток человеческой истории – древняя история. Здесь нам помогают этнографы, антропологи. Быт человека, его хозяйство, социальный строй – все это остается предметом археологического исследования. И вот тут наши археологи делают ежегодно важные и интересные открытия, открытия другого разряда, которые для неспециалистов кажутся не столь броскими и яркими. Но именно они чаще всего составляют существо нашей работы, становятся объектом пристального внимания ученых в институтах и лабораториях. Причем материал, извлекаемый нами, стал в значительной мере более говорящим в научном смысле, чем раньше. Ну, скажем, чем могут помочь разрозненные остатки бронзовых изделий? А специалист-археолог по металлу (есть у нас и такие) на основе лабораторного анализа скажет:

это изделие привезено с Кавказа, а это – из Центральной Европы. Тем самым определяются связи, торговые пути, миграции племен, хозяйственная, социальная история, культура, даже идеология. Я не ошибся – идеология, поскольку археологи находят множество погребальных памятников, святилищ, изображений и так далее.

Словом, археология позволяет во многом восстановить древнюю историю племен, населявших территорию нашей страны, выяснить происхождение славян, тюрок, угро-финнов, прибалтийских племен и так далее. Впрочем, следует говорить об изучении истории не только крупных народов. В настоящее время исследователи обратились к истории народностей Сибири, Севера. Напомним, что многие из этих немногочисленных народностей обрели свою письменность только после Октябрьской революции. Археология позволяет углубить их историю на тысячелетия. Успех здесь достигается в тесном единстве с этнографами, лингвистами; в этом археология ничем не уступает другим наукам, в том числе естественным, широко привлекающим другие отрасли знаний. Важность же полученных результатов заключается в том, что археология позволяет "уравнять" малые народы, "лишенные истории", с другими.

Если обратиться к Киевской Руси, которой я непосредственно занимаюсь, то археология произвела здесь полный переворот. Еще совсем недавно считалось, что земледелие появилось в южной Руси только в XI веке. Был уже свод древних законов – Русская Правда, были воздвигнуты первые храмы, крепости, а земледелия будто бы еще не было. Главным занятием населения серьезные историки считали охоту, рыболовство. Археология изменила эти представления, неопровержимо доказав то, что раньше выдвигалось в форме общих предположений, гипотез. Теперь мы хорошо знаем, что в Киевской Руси сеяли рожь и пшеницу разных сортов, знали такие куль-

туры, как просо, ячмень, бобы, горох, лен. Найдены при археологических раскопках разнообразные земледельческие орудия.

Раньше считалось, что город в Киевской Руси – чисто административный центр, резиденция князя. Ныне неоспорим вывод о древнерусском городе как центре ремесла, торговли. Археология позволила выяснить, с кем он торговал и имел связи, когда был подъем торговли и ремесла, когда упадок. Все это в комплексе утвердило важнейшие положения о высоком уровне развития культуры, производительных сил в Киевской Руси.

Вот еще одна любопытная тема, связанная с Киевской Русью. Когда-то историк П.П.Смирнов предполагал, что на Руси существовал рабовладельческий строй. Отчасти поддерживал эту теорию и историк С.В.Юшков. Склоняются к такому же мнению и некоторые минские историки.

Мне думается, это не очень серьезно. Историю Киевской Руси надо брать значительно шире, хронологические рамки следует раздвинуть до середины первого тысячелетия до нашей эры, то есть включить в этот обзор и сведения о скифах-земледельцах, которые сообщает нам Геродот.

Эти пахари являлись, очевидно, славянами того отдаленного времени. У скифов-кочевников, которые стояли несколько выше по своему развитию, возможно какие-то элементы рабовладельческого строя и появились. Но даже если это так, то сарматское нашествие в III веке до н. э. едва ли дало ему развиться. Поэтому говорить, что Киевская Русь возникла на основе рабовладельческого строя, никак нельзя. Пока серьезных аргументов в пользу этой теории нет. Но, думается, и такая тема может стать материалом для дискуссии...

Ну а библиотека Ивана Грозного – разве не увлекательный сюжет? Несомненно, такая библиотека существовала и содержание ее необычайно интересно. Оно нам

приблизительно известно по сохранившимся документам шестнадцатого столетия. Занимались поисками библиотеки и в XVIII веке, и в XIX, и в XX. Искали в разных местах, искали упорно. Случались даже курьезы. Печальные. Некий И.Я.Стеллецкий, снедаемый жаждой обнаружить царскую библиотеку, начал готовить с помощью саперов подрыв фундамента церкви Вознесения в Коломенском. Упоминавшемуся мною П.Б.Барановскому удалось остановить эти варварские действия.

О вывозе библиотеки Грозного из Москвы нет решительно никаких сведений. Однако в свое время широко было распространено мнение о переводе легендарной библиотеки в Александровскую слободу. Звучало это довольно правдоподобно. Ведь общеизвестно, что Александровская слобода в какой-то период играла роль столицы Российского государства. И вот, пользуясь этими слухами, энтузиасты-краеведы начали вести на территории слободы беспорядочные раскопки. Под угрозой оказался культурный слой. Археологам пришлось срочно вмешаться.

Что же удалось выяснить? На месте Александровской слободы, знаменитой резиденции Ивана Грозного, обосновался женский монастырь. В 1651 году настоятель этого монастыря Корнилий заставил своих монахинь разобрать все строения времен Грозного. И они были разобраны до кирпичика, перебиты в щебень, который был равномерно распределен по всей площади монастыря. При этих работах, проводившихся в XVII веке, ни одна подземная кладовая не могла бы ускользнуть от монашек, работавших под присмотром старца Корнилия. Никакой библиотеки в слободе не оказалось.

Так что тайна библиотеки Ивана Грозного до сего времени не раскрыта.

Но в связи с этим я хочу сказать о другом. Не надо возить экскурсии любителей истории по мнимым местам

захоронения библиотеки, как это часто в наше время делают краеведы. Я считаю это ложной романтикой, которая вряд ли полезна. Энергию энтузиастов правильнее было бы направить в другую сторону. На восстановление памятников, например.

«ТЬМА ЯЗЫЧЕСТВА И СВЕТ ХРИСТИАНСТВА»

Вопрос происхождения славян непосредственно связан с образованием государственности на Руси. Он, как известно, является полем и для определенных спекуляций на тему о якобы исконной несамостоятельности, а то и "генетической" беспомощности нашего народа...

Как вы оцениваете факт крещения Руси?

Дошли ли до нашего времени письменные памятники языческого периода истории древних славян?

В 1960 году на Международном конгрессе историков в Стокгольме по докладу академика Е.М.Жукова о периодизации всемирной истории возник спор о многообразии истории, о невозможности уложить все индивидуальные формы исторического события в общие хронологические рамки. Советскую историческую науку обвиняли в стремлении к схематизму. С кафедры конгресса раздался даже такой тезис: "Господа! О чем мы спорим? Ведь все дела человеческие "в руце божьей". История человечества делится только на два периода – на тьму язычества и на свет христианства!" И это говорилось в середине XX века!

Вот уже около пятидесяти лет я занимаюсь изучением язычества. Современному человеку, далекому от этого вопроса, даже трудно представить, какое влияние оказывало язычество на мировоззрение, весь уклад жизни древнего человека. Впрочем, "оказывало" не совсем точное определение. Язычество – явление чрезвычайно цепкое, живучее. Сколько еще в нашем сознании осталось от тех стародавних времен! Традиции, уклад, приметы...

В 1982 году в издательстве "Наука" вышли мое исследование "Язычество древних славян", а через пять

лет – второй том, "Язычество Древней Руси", где я попытался проследить судьбу язычества в рамках государственности. Кстати, государственности которая в конце концов отказалась воспринять язычество как религию классового общества и обратилась к христианству. Материала для второго тома накопилось за эти годы великое множество. Но это совсем не значит, что оставалось только усесться за стол и написать. Многое надо было переосмыслить, над многим подумать. Признаться, все время появляются какие-то боковые ростки, "переулки", и, чтобы выйти опять на прямую дорогу познания, приходится немало "плутать". Но может быть, это и есть самое интересное в нашей работе – процесс поиска истины? Один из выводов таков: накануне крещения Руси, накануне принятия христианства, Русь, как языческая держава, обладала значительной культурой. Существовала языческая летопись, были языческие храмы, скульптура. Существовало большое количество мифов, которые дошли до нашего времени в виде волшебных сказок – русских, украинских, белорусских. Короче говоря, полтора века Киевская Русь существовала как языческое государство, где язычество выполняло роль государственной религии.

Должен отметить, что эта интереснейшая тема долгое время у нас была в загоне. Она связана с древними ритуалами, представлениями, мировоззрением, которые постепенно выветривались. Обряды превращались в игры, в хороводы, ритуалы – в деревенские забавы.

Тысячу лет тому назад к нам пришло христианство. Церковники изображают это таким образом – столкнулись свет и тьма. Свет христианства и просвещения победил тьму язычества.

Необходимо ли было христианство? Является принятие христианства плюсом или минусом? Безусловно, оно принесло с собой готовый запас литературы, поставило Русь на одну ступень с другими государствами. Таким образом,

шаг, предпринятый князем Владимиром, был с точки зрения того времени, конца X века, несомненно, прогрессивным, необходимым.

Кроме того, христианская церковь в большей степени, чем языческая, утверждала государственную власть, – "несть власти аще не от Бога", "рабы да повинуются господам своим", – что содействовало развитию только что родившегося феодального государства.

Культура имеет несколько уровней, глубина памяти очень велика. Корни народного, крестьянского, уровня культуры уходят на глубину индоевропейскую. Понятие "народная мудрость" общепризнано, и кто-то ее, эту мудрость, собирал, оформлял. Занимались этим древние славянские волхвы. Ими была разработана стойкая система мифов, прочно связанных с живым опытом народа. Многолетние наблюдения над природой отражены в мифе о ежегодной смерти Кащея, в предсказаниях сроков дождей. За двести лет до принятия христианства существовал целый пантеон богов и мифических существ: упырей, русалок, берегинь (полудев-полуптиц, которые по ночам кропят поля росой).

Если говорить о бытовом уровне, то, например, орнамент на одежде являл собой, в понимании древних, своего рода панцирь против злого колдовства, орнамент на избах представлял картину мира в динамике. Известен ритуальный сосуд-календарь с расчетами сроков молений о дожде; он относится к IV веку нашей эры.

Символом параллельного существования языческих и христианских представлений о мире может служить полотенце под христианской иконой: на нем вышивались не только золотые сохи, Лада и Леля, которых особенно чтили, но и силуэты двух лосих – отголосок древнейшего мифа, возникшего еще 7–10 тысяч лет назад... Общий закон развития орнамента таков, что из категории ритуальной обрядности он со временем переходит в категорию эстетическую.

Ко времени появления христианства на Руси наша родина представляла собой молодое государство, обладавшее многовековой культурой – мифологией, эпосом, возможно, летописанием. Уровень этой культуры был, конечно, ниже, чем в Византии. Но был он достаточно высок для того, чтобы воспринять многие разделы византийской культуры.

Подлинных рукописей языческого периода истории древних славян, к сожалению, не обнаружено. Но в составе русской летописи XI века, которая, по утверждению историка Шахматова, была написана игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном, имеются произведения X столетия. Среди прочих фрагментов более ранних памятников, включенных в эту летопись, выделяется интересный рассказ о мести княгини Ольги древлянам за убийство князя Игоря. Эта великолепная, полная драматизма история известна, конечно, каждому со школьной скамьи.

Вкратце напомню. Древляне убили князя Игоря за чрезмерные поборы. Его жена Ольга жестоко отомстила им за это: заживо сожгла представителей посольства, членов другого посольства велела живьем закопать в землю. Приглашенные на тризну по Игорю древляне были зарезаны по ее приказу.

Автор этого рассказа как бы любуется коварством, дерзостью и жестокостью Ольги. И здесь возникает вопрос: мог ли это написать христианин? Ответ однозначен – нет. Обращает на себя внимание устрашающий характер рассказа, и устрашение это государственного порядка. Смысл прекрасно написанного произведения, по-моему, сводится к тому, что князья должны нормировать дань, а зависимые от них племена под страхом кары не имеют права посягать на жизнь киевского князя.

Давайте подумаем, как ту же историю должен был изложить христианин? Схема сложилась бы, несомненно,

иная: язычница, княгиня Ольга была очень жестока и мстительна, она не остановилась перед массовым истреблением людей. А затем, став христианкой, она, конечно, раскаялась. Но то, с чем мы столкнулись, далеко от подобного построения. В результате мы познакомились с явно языческой по своему характеру историей, вошедшей в более поздний письменный памятник...

Как специалисту мне представляется важнейшим вопрос о происхождении славян. Хронологические расхождения здесь – две тысячи лет. Лингвисты утверждают, что обособление славян от индоевропейского массива относится ко второму тысячелетию до нашей эры. Следовательно, нам надо изучать историю праславянской территории с глубокой древности, подключив к этой гипотезе все знания об окрестных странах. Если происхождение славян относится к VI веку нашей эры, как считают другие ученые (именно тогда впервые появилось слово "славяне"), то надо выяснить – откуда они явились. Обычно берется карта Византии, рисуются стрелки – на Византию нападают из-за рамки карты. Значит, надо раздвинуть эти рамки. До Шотландии? До Китая? До берегов Ледовитого океана?..

В связи с этим чрезвычайно важна роль исторической лингвистики. Даже при первом приближении открываются захватывающие дух перспективы. В этом отношении принципиальной является деятельность члена-корреспондента Академии наук СССР Олега Николаевича Трубачева. Он сейчас работает над составлением словаря славянского праязыка. Это будет уникальный труд, в своем роде – первый в мировой науке.

Думаю, всем интересно узнать, например, что еще задолго до принятия христианства нашим предкам были известны такие слова, как "бог", "святой", "вера", "рай", "дух", "душа", "грех", "закон", – и все это не заимствования извне, как и слова "читать" и, – что представляется

особенно важным, – ”писать”. А вот по заимствованным словам можно определить соседей древних славян, территорию их заселения. Этот анализ позволяет прийти к очень серьезным выводам. О культурном единстве славянских племен. О духовном своеобразии и поучительной гибкости языка, на нем основанной. О непрерывности культурного развития, начало которому было положено по меньшей мере за тысячу лет до нашей эры и именно на территории, далекой от морей и скалистых гор, Центральной и Восточной Европы. Антропология и археология также способны многое прояснить. Суммируя, накладывая эти пласты информации друг на друга, мы добьемся точного ответа.

С моей точки зрения, славянское общество дважды подступало к стадии формирования государственности, превращения в общество классовое: в VI–IV веках до нашей эры и в III–IV веках нашей. Создавалось ли государство в общепринятом смысле? Если да, то надолго ли, – это пока неясно. Но вот о том, что уже тогда существовали дружины, племенная знать, хорошо известно. Третья попытка увенчалась успехом: к началу IX века образовалась Киевская Русь – великая держава, собиравшая дань как со славянских, так и неславянских племен и торговавшая с размахом от Франции до волжских булгар, до Тегерана и Багдада. Киевские князья говорили на равных с византийскими императорами...

Крещение Руси сыграло немалую роль в развитии и ее государственности, и ее дипломатии. Принятие христианства было, несомненно, прогрессивным шагом – надо помнить, что в средние века практически все исторические явления облекались в религиозную форму. Русь, ставшая христианской, была уравнена с государствами, принявшими одну из главнейших мировых ре-

лигий ранее. Причастность или непричастность к мировым религиям в то время многое значило. "Да, караваны их богаты, воины – сильны, – могли рассуждать христиане-иноземцы о русских, – но они – язычники, им нельзя верить, они дики и неразвиты". Тогда же, когда наши предки приняли христианство, развили письменность, построили каменные здания, возвели церкви, украшенные фресками и мозаикой, создали библиотеки богослужебных и исторических книг, стали поклоняться тому же богу, что и христианские народы, Русь стала одной из мировых держав того времени.

На заре русской исторической науки нередко утверждали, что варяги – основатели Русского государства. А между тем шведы приняли христианство почти на столетие позже Руси. Это всегда надо учитывать в спорах с "норманистами". Языческая древняя культура, создававшаяся на протяжении нескольких тысячелетий, оказалась могучей силой, проявлявшейся в быту русской, украинской и белорусской деревни вплоть до XIX века. Деревенские волшебные сказки ("сказки волхвов"), былины, хороводные игры, песни и танцы, веселые обряды вроде завивания березки или новогодних гаданий – все это отголоски древней языческой культуры, утратившей уже свою ритуальную сущность и перешедшей в разряд эстетического творчества.

Языческая эпоха не была временем полной тьмы; она освещалась не только светом погребальных огней или купальских костров: она была озарена многообразным сиянием народной культуры во всех ее проявлениях. Даже города и аристократические круги Киевской Руси не сразу расстались со старыми богами и обрядами: княгини и боярыни участвовали в многолюдных "русалиях" – языческих молениях о дожде и урожае. Мудрый поэт-боярин, автор "Слова о полку Игореве", вспоминал таких языческих богов, как Дажьбог, Велес, Див.

В конце XII века культ Дажьбога трансформировался (во избежание преследований церкви) в почитание отвлеченного "Света". Изображения этого замаскированного божества мы находим на белокаменных соборах XII века рядом со скульптурой на тему православного "Вознесения".

Но нельзя отрицать того, что принятие христианства принесло богатые плоды: Византия научила Русь архитектуре, живописи, передала в готовом виде огромный фонд богослужебной, житийной и исторической литературы. Принятие христианства содействовало развитию грамотности; был устранен целый ряд варварских обычаев вроде кровавых жертвоприношений.

Христианство, безусловно, содействовало поднятию русской культуры на новый, более высокий уровень, но **начинать** русскую культуру с 988 года и только крещением Руси объяснять ее, разумеется, неисторично.

В многообразном культурном комплексе средневековой Руси очень многое уходило корнями в языческую старину и продолжало существовать несколько столетий после крещения.

ЕРЕТИКИ XIV ВЕКА

Стригольники – что за направление в религии?

Дошли ли до нас какие-либо памятники, письменные источники, связанные с движением стригольников?

Движение стригольников представляет собой антицерковное движение, получившее распространение в XIV веке в Новгороде и Пскове. Сущность их учения заключается в том, что они отрицали необходимость посредников между богом и людьми, то есть отрицали всю церковную организацию и духовенство ("лихих пастухов"), отрицали весь исповедальный комплекс в его церковной форме (исповедь священнику, покаяние, отпущение грехов и причастие). Храму как месту молитвы стригольники противопоставляли "ширины градные" и молитвы под открытым небом или в "малой церкви" – в своем доме, в моленной. Исповедь признавалась только как открытие своих грехов земле, а не духовенству.

Последовательно стригольники отвергали все виды доходов "чреву работних попов": взятки за получение прихода или епархии, требы, вклады "на помины души" и продовольственные "отклады" при совершении обрядов. Отвергнув корыстолюбивое духовенство, они признавали за каждым человеком, чистым верой и достаточно образованным, право учить других. Даже враги признавали, что стригольники – "постницы, молебницы, книжницы", живущие "чистым житием", они "сами ся поставляют учители народа". Уже из этого перечня стригольнических тезисов ясно, что посадские люди Новгорода и Пскова замахнулись на самую устойчивую часть феодального мира – на церковь, сохранившую свои богатства даже в условиях монголо-татарского ига.

Учение стригольников освобождало человека от обязательности официальных, узаконенных обрядов и превращало его религиозные взгляды в частное, личное дело каждого. В этом заключалась гуманистическая черта нового мировоззрения.

Стригольничество поддерживала значительная часть городского посада, включая и низшее духовенство, купцов и ремесленников, которые могли заказать дорогие иконы и пергаменные книги, монументальные каменные кресты.

Стригольники отвергали церковь, не посещали храмы, не приходили к причастию, не заказывали заупокойных служб и всем этим существенно уменьшали церковные доходы. У стригольнических общин были свои "учителя", "добрые пастыри", своя литература, свои обряды, свои моленные, свой реквизит, свои художники и писцы. Они создали и свое общественное мировоззрение, основанное на активном противостоянии злу, и свою концепцию искусства.

Прогрессивность этого движения состояла, во-первых, в активной борьбе против феодальной церкви, ее продажности, лицемерия и ханжества, а во-вторых – в провозглашении гуманистических идей. Стригольники вели борьбу с церковниками во имя человеческой личности и человеческого достоинства.

Среди новгородских древностей сохранились три замечательных креста, которые, по моему мнению, изготовлены стригольниками. Два из них содержат рельефно вырезанные на камне надписи, испрашивающие отпущение грехов, здравие и спасение души человеку. Для обозначения имени оставлено на камне свободное место.

Очевидно, эти кресты прямо связаны с отказом стригольников от церковного покаяния. Человеку, желавшему исповедоваться земле, достаточно было написать имя углем или воском на покаянном кресте и вслух или мысленно

перечислить свои грехи. Один и тот же крест мог служить последовательно любому числу кающихся. Надо было лишь менять написание имени очередного "раба божия".

Третий крест – знаменитый сосновый Людогощинский крест 1359 года, резанный скульптором Яковом сыном Федосовым. Со стригольничеством его связывает надпись, призывающая молиться "на всяком месте чистым сердцем", то есть, по существу, отстраняющая церковь как обязательную посредницу между человеком и богом. Крест Якова Федосова предназначался для поклонения на улице или на городской площади, а это заставляет вспомнить еще один тезис стригольников о молениях "на распутиях и на ширинах градных".

Все оппоненты и обличители стригольников признавали, что они изучили "словеса книжная", "высятся словесы книжными". Это, естественно, заставляет нас обратить особое внимание на книжность XIII–XIV веков не только с точки зрения содержания, но и со стороны ее внешнего оформления. Это тем более необходимо, что именно в десятилетия, предшествовавшие расправе со стригольниками, в русской книжной орнаментике произошел резкий перелом: в орнамент вторглась человеческая фигура.

На страницах богослужебных книг, начиная с 1323 года, появляются псари, охотники, бирючи, рыбаки, гусляры, птицеловы. Люди в книжных инициалах того времени живут жизнью городского посада: они, одетые в обычные городские одежды, бьются в поединке, читают книгу, пьют вино из турьих рогов, греются у костра, ведут собак на сворках...

Художники, иллюстрировавшие богослужебные книги, настолько увлекались своим смелым введением человека в орнаментику, что делали подписи к буквицам-рисункам: "Мороз, руки греет", "Гуди гораздо" (обращение к гусляру), "Обливается водою"... Известна даже пере-

бранка двух рыбаков, тянущих невод с рыбой: один из них говорит своему ленивому товарищу: "Потяни, курвин сын!", а тот в ответ ему бросает: "Сам еси таков!"

Интерес к человеку, к реальной жизни города в этих инициалах, несомненно, созвучен тому гуманистическому началу, которое заложено в учении стригольников. Но тут возникает вопрос – достаточно ли этой близости для того, чтобы зачислить эту озорную орнаментику в разряд стригольнического творчества? Детальное и всестороннее изучение фроловской Псалтыри XIV века, явно новгородского происхождения, дает все основания к выводу, что перед нами, очевидно, книга, изготовленная стригольниками для своего внутреннего употребления, для чтения в замкнутой и недоступной церковникам общине.

На этот вывод наталкивает тот факт, что рукопись снабжена антицерковным рисунком на первом листе – церковь показана наполненной всяческими исчадиями ада, как темница Сатаны. Кроме того, обращает на себя внимание хитроумное выделение с помощью буквиц цитат, созвучных идеям учения стригольников.

И наконец, нельзя не упомянуть ряд новгородских икон, посвященных Фролу и Лавру, Власию, Спиридону, Модесту и другим. Обычно они расцениваются как изображения покровителей коневодства. Однако напрашивается совершенно иное объяснение: в противовес "лихим пастухам", "лживым учителям", обличенным в стригольнической литературе, здесь выдвигается принцип благих пастырей, умело пасших свои стада.

Идеологическая борьба шла в живописи с тем же напряжением, что и в полемической литературе. Церковные сюжеты были выражением тех или иных течений общественной мысли, поэтому после расшифровки они становятся для нас драгоценным историческим источником, освещающим оппозиционное движение не извне, не со стороны официальной церкви, а изнутри, из самого стригольнического движения.

В СТАРЫХ КНИГАХ – ОПЫТ МИНУВШЕГО

Надо ли переиздавать труды таких историков, как Иловайский, Костомаров, Нечволодов, Татищев, Забелин?

Мера объективности во многом зависит от степени знания, от полноты базовой информации, содержащейся в трудах историков прошлого. Поэтому, думаю, в первую очередь надо было бы переиздать труды Татищева. Это тем более легко сделать, что его семитомник выходил в 1960-х годах в Ленинграде. К сожалению, ничтожно маленьким тиражом – всего в три тысячи экземпляров! Иловайский – историк "квасной", то есть достаточно примитивный. У Костомарова многое устарело, на мой взгляд. Было бы замечательно издать избранные труды И.Е.Забелина и еще некоторых буржуазных и церковных историков. Отдельные их работы, а также труды этнографов и славистов, живших в прошлом веке и первой половине века нынешнего, могут и должны быть переизданы, как и избранные статьи из "Русской старины", "Русского архива" и других исторических журналов. Совершенно необходимо издать все исследования такого серьезного ученого с широчайшим кругозором, как А.Н.Веселовский. А переиздавать монархические книги Нечволодова, подготовленные к "300-летию царствующего дома Романовых", не имеет никакого смысла.

О Василии Никитиче Татищеве, замечательном человеке, одном из "птенцов гнезда Петрова", хочу сказать особо. Он строил города, выполнял очень важные дипломатические поручения, управлял провинциями, занимался геодезией, географией... Но, пожалуй, самым любимым его делом была история. Он собирал рукописи, создал интереснейшую библиотеку. К сожалению, многое из его собрания погибло после смерти ученого. Татищев обогатил

Академию наук многими ценнейшими рукописями. Несмотря на все свои государственные, военные, дипломатические дела, он успел написать "Историю Российскую". Это была первая история. Может быть, в какой-то мере и последняя русская летопись, потому что в основу книги Василий Никитич положил старые летописи, их хронологический погодный порядок изложения событий. В то же время он эти события обобщал.

История Татищева представляет огромный интерес потому, что в его руках были такие летописи, в которых содержались сведения, отсутствующие в других источниках. Они настолько интересны, настолько необычны, что в умы историков иногда закрадывалось сомнение: а может быть, все это Татищев придумал? Может быть, это плод фантазии писателя, который не всегда строго разграничивал достоверные сведения и литературную занимательность своего времени?

Даже в наше время находятся историки, которые не доверяют Татищеву, объявляя его фальсификатором. Но тщательное изучение трудов Татищева показало, что он ничего не выдумал. Все сведения он брал из источников, которые, увы, не сохранились до наших дней. Уже в более позднее время были найдены сведения, которые подтвердили добросовестность Татищева как историка.

Приведу только один пример того, как много может дать "История..." Татищева. Мне самому довелось убедиться в этом. Я имею в виду воспроизведенную Василием Никитичем летопись конца XII века, которая содержала массу интереснейших сведений о русской жизни того столетия. Автором основной части этой летописи был человек очень близкий к создателю "Слова о полку Игореве". Близкий по образованию, по широте, по политическим идеалам. В своей летописи он использовал определенный прием – политические высказывания вкладывал в уста мудрых бояр. Говорили это бояре или

нет – неизвестно, но, во всяком случае, такой прием помог автору изложить целую программу прогрессивного боярства XII столетия.

Кроме того, летопись содержит меткие характеристики более десятка князей XII века. Внешний облик, склонность к чтению или охоте, физическая сила, красота, умение управлять страной, полководческий талант или какие-либо недостатки. Все там есть, в характеристиках. Это интереснейшие портреты людей, живших восемь веков назад, которые сохранил для нас Татищев.

Он так много сделал для своей эпохи, для нас с вами. Уверен, что и будущие историки обнаружат в его трудах массу полезного для себя и ценного.

«РЦЫ-СЛОВО-ТВЕРДО!»

Что такое, по вашему мнению, история в период гласности?

Какие направления в исторической науке сегодня особенно нуждаются в разработке?

Во все времена природа была частью нашей нравственной категории. Ваше отношение к проекту переброски рек Сибири?

Примета нашего времени – острый интерес к прошлому, споры, диспуты, причем не только в среде писателей и историков. И эта долгожданная гласность для всех нас сегодня необходима как воздух. Но еще нередко нам недостает реального сопоставления мнений. Одна позиция высказана, а сторонники противоположного взгляда по тем или иным причинам не отвечают. Конечно, надо затрагивать все темы без исключения, всесторонне их разбирать.

На мой взгляд, нужно безотлагательно составить перечень острых, спорных вопросов по истории вообще и по нашей отечественной истории в частности, включая советский период. Скажем, для нас важны не только 1930-е годы, вызывающие ныне наибольшие страсти. Это время как бы отрезано от нас трещиной, возникшей после землетрясения, каковым была война. По другую сторону трещины мы, по существу, начинали новую жизнь, новый этап, со своими плюсами и минусами.

Предполагаемый перечень вопросов должен охватывать широкие временны́е рамки. Потому что в межнациональных спорах, например, иногда оперируют далекой первобытностью: чей народ впервые заселил данную территорию, кто на ней исконный хозяин...

Мы просто обязаны изучать все явления прошлого

многогранно и объективно. А объективность родится тогда, когда мы будем шлифовать наши знания. Шлифовка – жесткий метод по отношению к шлифуемому материалу. Это – трение. Но в результате получается вещь блестящая, плод кропотливого труда, в данном случае – интеллектуального. Бесспорно, могут быть разветвления мнений, может возникнуть обострение личных отношений, временная утрата объективности, разное может быть. Но все это должно направляться коллективным мнением, товарищеской критикой.

Однако критика у нас порой слишком уж хлесткая. А ведь она предполагает не **разгром**, а **разбор**: выяснение места данного явления, данной работы в науке, в жизни общества, определение хороших сторон и того нового, что явление или книга привносит, качества исполнения, версии или гипотезы (хорошо – нехорошо, художественно – нехудожественно, логично – или нелогично, есть полнота использования источников – нет ее). То есть речь о научных критериях, которые у нас далеко не всегда четко сознаются или используются с явной неохотой. Критик должен ощущать особую ответственность – ведь он выступает как судья, как бы приподнимаясь над явлением.

Между тем самосознание наших критиков слишком часто укладывается в простейшие формулы: "мне не нравится", "это плохо", "это не годится". А почему плохо, почему не годится? Критиковать можно и должно, лишь опираясь на точную исследовательскую работу, с учетом высказывавшихся ранее мнений, с использованием разнородных источников.

Острых, спорных вопросов может быть тьма. Особенно в нынешнее время. Поэтому надо выяснить степень очередности их рассмотрения, "повестку дня" работы исторической науки. Сначала отобрать важнейшие вопросы, необходимые для ясного понимания хода истории, и ис-

следовать их. И если в ходе исследования возникнут два-три мнения, совсем не обязательно поспешно сводить их к одному.

Разумеется, есть дискуссионные темы и в том периоде, который я изучаю. Скажем, вопрос образования Киевского государства в мировой науке до сих пор является спорным. Года два тому назад я опубликовал статью "Новая концепция предыстории Киевской Руси". Никто мне тогда не возражал. И вдруг теперь историк А.П.Новосельцев обвинил меня: дескать, я из источников, как из глины, леплю то, что мне нравится. Да не так это вовсе! У меня много источниковедческих работ, темой этой я занимаюсь давно и вот в результате многолетних изысканий предложил новую концепцию. Она может нравиться, может не нравиться. Я сам вижу отдельные слабые места – одни аргументированы лучше, другие хуже, третьи – высказаны как гипотезы... Но это тоже необходимо! А вот дальше надо обсуждать. Вызываю Новосельцева (не к барьеру!) на серьезный научный спор по этой важной исторической проблеме.

Еще пример. В журнале "Наука и жизнь" появилась статья, где говорится, что Петр Великий ("Великий", я настаиваю, – это не пустой термин, а обозначение вклада Петра в развитие России) утянул Русь на 500 лет назад. Вот уж поистине сногсшибательная новость для историков, специалистов, для всех тех, кто потратил жизнь на изучение эпохи Петра и предшествующего времени.

Не спорю – тот рывок, который совершила Россия при Петре, был подготовлен. Ведь XVII век – это очень быстрое движение страны по пути преодоления отставания. Москва строилась, появлялся новый архитектурный стиль. И Петр с детства рос вместе с Москвой. Всего себя, свое здоровье, свой труд, свою самодержавную власть он посвятил постоянному движению вперед. И потому он

многое смог сделать. Можно ли отрицать его прогрессивное значение?.. Кстати, вопрос – почему реформы Петра застопорились, тоже надо выяснить. Определенности и тут нет.

Сегодня, на мой взгляд, особенно нуждается в разработке такое направление: формирование национального самосознания и его роль в историческом творчестве народов. Тема необъятная, актуальная, как никогда раньше. Тема, если можно так выразиться, "обидчивая", тонкая, больная. Она вплотную связана с воспитанием подлинного патриотизма и интернационализма. Но ведь есть масса фактов, которые указывают на давние братские или дружеские связи, положим, русского народа с другими славянскими и неславянскими народами. Вообще опыт общения разных народов должен быть хорошо известен и усвоен современным сознанием и на современном, достойном развитых людей, уровне.

Стоит задуматься над такими, например, фактами, как родство князя Андрея Боголюбского с грузинским царским домом, как мирная крестьянская колонизация трех последних веков не освоенных ранее земель, беспрецедентное в мировой истории добровольное вхождение в состав Российской Империи целого ряда народов, неуклонный рост численности коренного населения Сибири... Для решения всех этих задач нужна концентрация научных сил. Организованная через посредство изданий, специализирующихся на вопросах истории. Одного журнала "Вопросы истории" тут явно недостаточно.

Итак, что же мы имеем на сегодня? Некто высказывает отрицательное мнение о чем-то и о ком-то. И считает, раз он высказался – ведь гласность! – значит, это и есть решение данного вопроса, истина найдена. Может быть, и так – если высказаны верные суждения. Ну, а если ошибочные? Подкрепленные в глазах людей авторитетом гласности, они могут нанести больший вред, чем полное умолчание.

Необходимо давать слово и тем, чья точка зрения подвергалась осуждению. Иначе получается: один из дуэлянтов безответно стреляет, не опасаясь противника, у которого заранее изъято оружие. Нет! Он обязан выстоять перед ответным выстрелом, если он подлинный борец за истину.

Естественно, речь идет не о том, чтобы уничтожить кого-то, а о том, чтобы разубедить. Поражение в споре, несостоятельность в диалоге с оппонентом должны приводить не к гонениям, а к пересмотру ошибочных взглядов, отказу от них вслух, публично. Не теряя собственного достоинства, не унижая противника.

Сколько, к примеру, было шума вокруг проекта поворота северных рек! Археологи были против тех, кто пытался повернуть реки с севера на юг. Но, к сожалению, нам в этом вопросе была отведена пассивная роль. Мол, наша задача – спасать памятники от гибели. Где было возможно, мы, гуманитарии, выступали в защиту природы и народного искусства. Больно думать о том, что сотни, тысячи русских сел с многовековой биографией, ровесников Москвы, затапливались, уничтожались. Все это нанесло бы невосполнимый урон русской культуре. Ведь там сохранялись народные предания, великолепные вышивки, резьба, памятники прикладного искусства. И все это загублено.

Наши аргументы в защиту старинных сел далеко не всегда выслушивались, легко отвергались. Помню, на одном из заседаний академик Лихачев выступил с призывом беречь памятники русской культуры. С места один из авторов очередного проекта выкрикнул: "Ну, без этого мы обойдемся!" Чудовищно, когда такой серьезный аргумент, как русская народная культура, не принимается во внимание!

Нарушения в экологии, бездумные, иногда даже без всякой хозяйственной необходимости, вторжения в

природу – одна из самых болезненных точек в жизни современного общества. И, увязывая этот вопрос не только с экологией, а и с биологией, географией, экономикой, мы должны прямо сказать, что планы людей, желающих по их минутным, непродуманным замыслам переделать нашу Родину, нашу природу, исходят от пренебрежения, с которым у нас десятилетиями относились к словам Россия, Русь, история Руси.

Приведу пример. Вот том Советской энциклопедии, изданный в 1930 году. Смотрим: "Куликовская битва". Комментарий тут дается всего в восемь строк. На той же странице – "Кулачный бой", и текст к нему уже строк двадцать. Отечественная война 1812 года по этой энциклопедии трактуется следующим образом: "Русское националистическое название войны, происшедшей в 1812 году между Россией и с другой стороны Францией в союзе с другими".

Думаю, если таким образом в недавнем прошлом относились к отечественной истории, к памятникам истории, разве могло быть лучшим отношение к природе? И в результате то Байкал изгадят, то реки повернут, то еще что-нибудь сотворят... Мощный, защитный голос общественности тут просто необходим.

В который раз, но все-таки повторю: исторические знания могут формировать нравственность современного человека. Возьму лишь один пример, весьма показательный. Вслушаемся в звучание нашей старой азбуки. "Аз-Буки-Веди!" – я буквы знаю, я грамотен! И дальше: "Глагол-Добро-Есть" – слово добро есть. И еще: "Рцы-Слово-Твердо!" – говори внятно, отвечай за свои слова. С "азов" в плоть и кровь предков наших входили представления о добре, о морали. Стройная система традиций и обычаев направляла развитие человека к добру, к созиданию, творчеству, любви к ближним и к земле своей, к природе.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...

Чем вы увлекаетесь в свободное время?

Как сами оцениваете пройденный вами путь?

Должен признаться, что хобби у меня нет. Собиранием марок, спичечных этикеток, фарфора и прочего не увлекаюсь. Но я очень люблю животных. Была бы возможность, я завел бы коня. И жили бы мы с ним душа в душу. Это чудесное животное, умное, благородное. Ну, а пока, за отсутствием лошади, я пристрастился к собакам...

Правда, есть у меня одно увлечение – расшифровка загадочных надписей. Оно впрямую связано с очень интересной наукой, которая именуется эпиграфикой. Знаменитые новгородские грамоты на бересте – лишь часть огромного эпиграфического фонда, которым мы располагаем.

В чем же прелесть эпиграфики? Дело в том, что каждая надпись представляет собой отдельный исторический источник – законченный, завершенный и загадочный. Судите сами. Сразу после освобождения Киева, во время Великой Отечественной войны, я увидел в Софийском соборе надписи XI–XII веков. Среди них такая: "Господи, помоги рабу своему Ставрови недостойному". И рядом – надпись: "Писал Ставр Гордятинич".

Поразительно, сам Ставр Гордятинич! Ведь это же былинный герой и в то же время реальное лицо. Так звали одного из бояр Владимира Мономаха. Он находился в Новгороде, а затем за какую-то провинность был отозван в Киев и посажен в темницу. На этом кончается летопись, но былина продолжается далее и рассказывает о том, что молодая жена Ставра Гордятинича, переодевшись в мужское платье, выдает себя за иноземного посла, приезжает в Киев, побеждает на состязаниях придворных, обыгры-

вает в шахматы са́мого Владимира Мономаха и требует освобождения опального мужа. Вот какая история – за небольшим автографом былинного героя.

Сотрудник Софийского музея С.А.Высоцкий, техник по образованию, обнаружил в соборе фреску с надписью и обозначением даты. Прочитав его сообщение о находке в печати, я помчался в Киев.

Надпись оказалась очень интересна по содержанию: "В лето 1054-е (я перевожу на наше летоисчисление) Успение Цесаря нашего..." В том году скончался Константин Мономах, цесарь Византии. Сразу возникает вопрос: ведь Мономах скончался 11 июня, а обнаруженная надпись датируется 20-м февраля. Это дата смерти Ярослава Мудрого.

И тут же вспоминается, что лет восемьдесят тому назад молодой ученый Приселков высказал предположение, что Ярослав Мудрый получил титул императора. Это сообщение было встречено с недоверием, а затем и просто забыто.

А вот надпись, найденная в соборе, подтверждает – да, действительно, Ярослава Мудрого называли цесарем, царем. И внуков его, и правнуков время от времени называли цесарями. Писалось: "И взявши его яко царя, яко князя и царя своего".

Так что, видите, бытовые надписи представляют собой очень интересный раздел исторической науки.

Ну, а как я оцениваю свой творческий путь? Трудно говорить о себе. Потому скажу лишь, что ни разу в жизни не разочаровывался в избранном пути. Хотя бывали трудные и труднейшие времена – как для специалистов по русской истории, так и для самой нашей якобы слишком отдаленной от современности специальности. Убежден, что изучение родной древней истории крайне необходимо как для отдельного человека, если живы в нем гражданские чувства, так и для всего нашего общества.

СОДЕРЖАНИЕ

Рыбаков Борис Александрович

ИСТОРИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

Редактор Т.М.Исакова
Художник К.В.Радченко
Художественный редактор Н.Д.Карандашов
Технический редактор В.Л.Юняев
Корректор Л.В.Петрова
Оператор Т.Г.Никонович

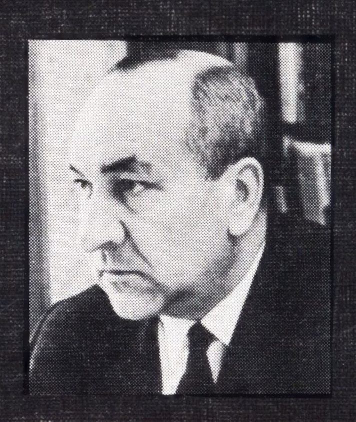
ИБ 1952

Сдано в набор 20.01.89. Подписано в печать 15.02.89. Формат 70x100/32. Бумага офсетная №1. Гарнитура "Пресс-Роман". Печать офсетная. Усл.печ.л. 3,25. Усл.кр.-отт. 3,49. Уч.-изд. л. 3,63. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4806. Зак. № 1858.
Цена 50 коп.

Издательство "Книга", 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Набрано на композере в издательстве "Книга". Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129041, Москва,
ул. Б.Переяславская, 46.

50 коп.

Борис Александрович Рыбаков, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, видный советский ученый — археолог и историк. Занимаясь весьма отдаленными периодами нашей истории, изучая минувшие эпохи, он остается человеком современным. Его многочисленные труды посвящены всем областям творчества человека в Древней Руси — будь то искусство, эпос, летописание или материальная культура. За каждым из них — широта кругозора и глубина научного анализа.

Умение ученого просто рассказать о сложном, заразить слушателей и читателей своей увлеченностью постоянно находит отклик у тех, кто интересуется прошлым Отечества. Встреча Б.А.Рыбакова в Концертной студии Останкино, его ответы на многочисленные вопросы и послужили основой для этой книги.